

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 17

1986

Валентин ОСИПОВ

Открытый урок

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 17

Валентин ОСИПОВ

ОТКРЫТЫЙ УРОК

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986 г.

Валентин ОСИПОВ

Валентин Осипович Осипов родился в 1932 году в Москве. Окончил исторический факультет КазГУ им. С. М. Кирова и курсы журналистов Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ.

Был на преподавательской, комсомольской и журналистской работе, в том числе в Казахстане в годы освоения целинных земель. С 1962 года — издательский работник.

Его документально-публицистическая проза, очерки, статьи, литературные заметки и рецензии публикуются в газетах, журналах, альманахах и сборниках с 1956 года. Автор нескольких книг, главным образом посвященных историко-биографическим темам.

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ ДЕКАБРИСТ

Читатель, спроси себя,— что знаешь о Степане Дмитриевиче Нечаеве, который родился в 1792 году, а умер в 1860-м...

При жизни, как выяснил, был премного известен. Ему пишут — часто, обращаясь за помощью или за советом. В их числе Пушкин или крепостной с Урала Феоктист Улегов. О нем пишут — тоже часто, оценивая талант и образ мышления. В их числе не только Вильгельм Кюхельбекер, декабрист и поэт, в статье, но и начальник московских жандармов в своем тайном донесении на имя самого Бенкендорфа.

Одни причисляют его к декабристам. Но в основополагающем для любого исследователя «Алфавите декабристов» такой фамилии не значится.

Он дружески связан с Рылеевым, участь которого — взойти на эшафот, и с будущим каторжанином Иваном Пушциным, но и пожалован вельможным званием сенатора и орденами...

Ему приписывают авторство необычно смелой по тем временам Записки «О состоянии крестьян, принадлежащих к заводам наследниц купца Расторгуева». Но подпись под этим документом — «Флигель-адъютант полковник граф А. Г. Строганов».

Впрочем, в жизни нашего героя, как дальше придется узнавать с немалым удивлением, предостаточно всего и вся, чтобы еще и еще нашлись сведения донельзя запутанные и противоречивые.

1. НАЧАЛЫ...

В этом заговоре принимали участие все журналисты, все просвещенные и светлые головы России, до сих пор выделяющиеся своими произведениями в русской литературе.

Из свидетельств современников об участниках декабристского восстания.

Терзает мысль — как подступиться к столь противоречивой биографии. У многих спрашивал совета. Однажды услышал:

— Обязательно пишите... Но будьте при этом как бы следователем.

Одни скажут следователю — «Ваш Нечаев — герой отрицательный: одно слово — сановник, вельможа! Осудите его!» Другие скажут — «Нечаев — положительный герой — он декабрист! На пьедестал его!» Следователь же в любом случае обязан все разысканные факты не только внимательно изучить. Он просто обязан уметь сопоставлять и соотносить эти факты... История России всегда была сложным явлением — прогресс, свобода, истина, освобождение давались нашему народу тяжело, трудно, в мучительных поисках...

Таким было напутствие Леонида Максимовича Леонова.

ПИИТ

Совет мудрого писателя... Он важен! Но что историки?..

Очень благодарен академику Милице Васильевне Нечкиной, самому авторитетному исследователю декабристов. Ей и до Нечаева нашлось интереса. Она дала — пусть и кратко, всего 16 строками — яркому началу его общественной деятельности сугубо положительную оценку. Заканчивая свои рассуждения о нем, заявила: «Было бы очень полезно и нужно для декабристоведения раскрыть облик и деятельность как можно большего числа «безвестных» декабристов. Не должны декабристы пропасть «без вести».

Поистине так, при всей противоречивости жизни и взглядов Нечаев не должен остаться вне истории. И в нашем случае, убежден, должно и нужно прибегнуть к сокровищнице опыта В. И. Ленина. Вспомним, как гениально просто раскрыл он закон изучения места и роли личности в истории — «Исторические заслуги судятся не по тому, что чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно со своими предшественниками».

...Итак, опираясь на авторитет пронизательного писателя-академика и научный академико-историка, начинал разузнавать все, что помогло бы ответить на естественно возникающие вопросы, кто и откуда этот самый для историков и истории без вести пропавший декабрист.

«Надворный советник Степан Дмитриевич сын Нечаев. Орденов св. Анны 2-го класса и св. Владимира 4-й степени Кавалер, разных ученых обществ Член. От роду имеет 35 лет».

Таковы первые сведения, которые найдены в Центральном государственном историческом архиве.

Продолжим чтение «Послужного списка надворного советника Степана Нечаева 1827 года». Он из дворян, имеет 735 душ в разных губерниях. Род Нечаевых древний. В одной из дореволюционных энциклопедий вычитал, что он ведется от знаменитой фамилии Плещеевых. Учился в Московском университете, кстати, вместе с Александром Грибоедовым.

Во время войны 1812 года выпало Нечаеву важное задание — послан формировать ополченческие войска — сам не воевал, хром с детства. Потом, с 1814 года, «Почетный Смотритель Училищ Скопинского уезда».

Что дальше? 1816 год. Журнал «Русский вестник, или Отечественные ведомости и достопамятные европейские происшествия», что издавал в Москве Сергей Глинка, находит себе нового сотрудника. Здесь в седьмой книжке публикуются «Стихи на выступление в поход новоустроенных во Владимире полков 26 августа 1812». Их автор — Степан Нечаев.

О чем пишет? Старинным «штилем» увековечивает то, что пережил, помогая формировать ополчение. Решил воспеть славу дел, не запечатленных на скрижалях батальной истории. Но мыслит шире и обращается не только к ополченцам. Даже шрифтом выделена такая вот полная возвышенной страсти строка — «Победа — иль падем все мертвы!».

В журнале «Вестник Европы» в том же 1816 году снова стихи Нечаева о войне. На этот раз о Денисе Давыдове, знаменитейшем гусаре-партизане и поэте. И на них печать любви к отечеству. Но заметим, что в стихах не только о войне и не только о поэзии. Высокое, восторженное чувствование коснулось и такой темы — «Всегда будь правды друг, поклонник Муз, герой...»

Так еще один журнал вводит Нечаева в поэзию. Представляю, как лестно было напечататься в нем — его основатель сам Карамзин, его до последнего времени редактор — сам Жуковский, а один из авторов — Пушкин.

Имя Нечаева стало появляться с этого времени и в других, как принято было говорить, повременных изданиях — в альманахе «Уrania» и в весьма либеральных «Трудах Вольного общества любителей российской словесности», а затем в продекабристском «Соревнователе просвещения и благотворения».

Стихи совсем неоднозначны по своему таланту. Немало среди них слабых, посредственных — ни слогом, ни мыслью не запоминающихся. Но одно из них — «На слово люблю» — лирические — запомнилось. Стихотворение явно романсового склада и явно просится в гитарные переборы — «Я не скажу тебе люблю, Всеобщей моде подражая: Здесь часто говорят люблю, Совсем о том не помышляя... Но верно так тебя люблю, Как только лишь любить возможно!»

Стихи эти разошлись по стране. Историк С. Л. Мухина установила, что они вписаны в альбом матери Лермонтова. Так было принято в ту пору — полюбившиеся стихи дарить на память.

...Кандидат исторических наук Софья Леонидовна Мухина первая рискнула заниматься безвестным декабристом. Шла через архивы и дореволюционные издания, выискивала искомое в забытых воспоминаниях. Но самое, видно, трудное — это преодоление неизбежной

поначалу инерции недоверия к самим по себе возможностям вы-
зволить своего необычного героя из привычно безвестного состо-
яния.

В результате она опубликовала несколько научных работ. Были
они поначалу небольшие и в очень малотиражных, да к тому же чаще
всего не в московских изданиях, но все равно оказались принципиально
важными для определения места и роли этого деятеля в истории.
Затем две ее статьи вышли в авторитетных изданиях — пришло
признание! В 1975 году «Безвестные декабристы П. Д. Черевин,
С. Д. Нечаев» в «Исторических записках» и в 1983 году «Современник
декабристов С. Д. Нечаев» в журнале «Вопросы истории».

ПЕРСТЕНЬ С ПОЛЯ КУЛИКОВА

Нечаев переживает не только радость, что начинает печатно
служить музе поэзии. Припомним, что в «Послужном списке»
значилось — «Разных ученых обществ Член». Не зря написано.
Узнаю, что он вступил в очень почетное по тем временам Общество
истории и древностей российских.

Это упоминание позволяет начать рассказ — необычный — о пер-
стне писателя, издателя и декабриста, непосредственного участника
восстания 14 декабря Александра Бестужева-Марлинского. Право же,
причудливы — и часто! — судьбы не только людей, но также вещей,
с ними связанных.

Перстень подарен ему Нечаевым. Перстень — с поля Куликова. Он
с руки безвестного русского храбрца, кто еще иной мог бы пасть на
поле героической брани.

Писатель-декабрист не расставался с подарком никогда. Значит,
можно догадываться, и на Сенатской площади был с ним, и на каторге,
в ссылке, и на смертной для себя войне... Есть тому надежное свиде-
тельство — его самого письмо 1833 года Николаю Алексеичу
Полевому: «Вы пишете, что плакали, описывая Куликово побоище.
Я берегу, как святыню, кольцо, выкопанное из земли, утучненное сею
битвой. Оно везде со мной; мне подарил его С. Нечаев».

Еще любопытная подробность. Ее тоже разыскала С. Л. Мухина —
это воспоминания современника Бестужева Я. И. Костенецкого:
«Я помню это кольцо Бестужева; оно было древнее, серебряное, очень
толстое и большое, наверху которого очень искусно была сплетена
корзинка, в которую, вероятно, был вделан какой-нибудь камень.
Кольцо это было найдено на Куликовом поле, и он всегда носил его на
большом пальце правой руки, по обычаю черкесов, которые всегда
носят на этом пальце железное кольцо, служащее им пособием при
взде ружейного или пистолетного курка».

Но откуда перстень у Степана Нечаева?

Пять с половиной долгих столетий разделяют два великих для России события — на поле Куликовом и на Сенатской площади. Здесь, в рассказе о Нечаеве и Бестужеве, они объединены, понятно, усилиями памяти. История — хранительница памяти. Археологи — верные служители ее...

С. Д. Нечаев, надо знать, был археологом, причем первым, как полагаю, археологом битвы с ордами Мамаев.

Как стал им? Ответим предположительно, но с твердой верой в надежность предположения — как стечению обстоятельств, так и благодаря слившимся с ними истинным чувствам истинного историка.

Сперва о стечении обстоятельств: одно из поместий Нечаева в сельце Куликово, а оно в местах исторических, там, где между Непрядвой, Доном и Мечю произошло Мамаево побоище.

Теперь об истинных чувствах историка: вступил, как уже знаем, в Общество истории и древностей — причем надолго. Спустя 22 года избран даже вице-президентом.

Все вокруг тогда поощряло к занятиям отечественной историей. И взлет патриотических чувств после победы над Наполеоном. И, что важнее заметить, образ мыслей передовых кругов тогдашнего общества — декабристов прежде всего. Один из основателей декабристского Союза Благоденствия, Федор Глинка, связывал знание истории не только и не просто с необходимостью знать эту науку как таковую — «Историк — исполни последнюю волю героев бывших, и История твоя родит героев времен будущих».

Рыян Нечаев своим участием в делах общества: устроил археологические раскопки, затем печатает — четырежды — о своих открытиях. Подробны в описаниях находок эти его статьи. И еще сопровождаются рисунками. Редактор с пиететом представляет автора — «Почтенный литератор наш С. Д. Нечаев».

И при этом движим желанием: сохранить — самым тщательным образом — для потомков все, что донесла в родной земле слава тех, кто вырвал победу у войск Мамаев. В статье «Отечественные известия» пишет с горечью: «Ничто до сих пор не свидетельствовало о великой жертве, принесенной на сем месте за свободу любезной родины. Оставалось одно предание...» Потому-то устроил в своем Куликове музей. Как не заметить, что это первый музей, взявшийся увековечивать память великой битвы. Нечаев снес в дом и стал показывать — и приезжим гостям, и крестьянам — найденное самим или другими: секиры-бердыши (один из бердышей, судя по рисунку в журнале, был с поразительно искусными украшениями), мечи, копья, стрелы, нателные медные и серебряные кресты, складни...

Где сейчас те находки? Ведь, увы, не сохранился музей. С. Л. Мухина убеждена в следующем: некоторая часть нечаевских открытий все-таки уцелела и хранится в областном музее в Туле.

Но и все то, чего добился, предстало недостаточным. Стал мечтать о памятнике. Используя возможности журналов, начал взывать к самым тонким патриотическим чувствам сограждан и вербовать себе благоприятно настроенных союзников Призывал к сбору пожертвований. Вел переговоры со скульптором...

Нашлись единомышленники. Один из них — скульптор Иван Петрович Мартос, тот самый, прославленный, что оставил для потомков памятник Минину и Пожарскому в Москве на Красной площади. Мартос охотно внял призыву и создал проект. Он до сих пор красивым рисунком хранится в архиве Нечаева. Однако не случилось воплотиться этой мечте. Два министра — и просвещения, и внутренних дел — отказали «за нейдением к месту». Сия невнятица означала, по их мысли, что проект в стиле классицизма слишком красив для задонской глуши...

Не отступился Нечаев. Как говорилось в народе — память в темена, мысль во лбу, а хотенье в сердце. Так и у Нечаева. Не перестал докучать. И сим победил...

Как разузнала С. Л. Мухина, памятник, о котором мечтал Нечаев, был все-таки сооружен, но не Мартосом, а А. П. Брюлловым, братом великого художника. Без всяких сетований скажем, что его творение не менее талантливо и впечатляюще. Если кто-то из читателей был на поле Куликовой битвы, то припомните на Красном холме высокую многоуступную чугунную колонну с взметнувшимся крестом и повергнутым в одной из ниш полумесяцем... Это и есть детище забот и волнений С. Д. Нечаева. Он, кстати, и место памятнику выбрал.

II. ДВЕ ИПОСТАСИ ТИТУЛЯРНОГО СОВЕТНИКА И КАВАЛЕРА ОРДЕНОВ

Ваша твердость характера и благоразумная скрытность подают мне несомненную надежду, что я могу безопасно посоветоваться и о том, что желаю иметь ото всех скрытым, даже от самых ближних друзей моих.

Из письма С. Д. Нечаеву Феоктиста Улегова, крепостного.

Итак, имя Степана Дмитриевича Нечаева благодаря ревностным занятиям поэзией и историей становится в обществе весьма известным.

Пополнился новой записью и «Послужной список». В 1817 году стал Нечаев титулярным советником по ведомству просвещения и образования.

«Я НИЖЕПОДПИСАВШИЙСЯ...»

Что окружало Нечаева в тот год в настроениях общества? Бунтуют крестьяне. Уже действует тайный «Союз Спасения, или Общество истинных и верных сынов отечества» — первое декабристское общество. Знал ли о нем Нечаев? Утверждать что-либо невозможно. Оно было тайным. Но связан — близкими знакомствами — с некоторыми из тех, кто создавал Союз. Назовем одного из них — Федор Николаевич Глинка, полковник и поэт.

Были в обществе и иного толка заботы и душевные томления. Один из московских журналов язвительно живописал некоторые из них: «Древняя столица представляла в сем году зрелище довольно разнообразное. Построение модных галстуков, скачки братьев Леманов, чувствительные о них статьи в Дамском Журнале, битва Романтиков с Классиками, спор в Московских Ведомостях о способе растить волосы на плешивой голове и новополученное Бургонское — все это вместе перемешавшись, составляло предмет разговора людей, которых жизнь есть продолжительное путешествие из гостиных в гостиную». В общем, все, как это мог бы вычитать Нечаев чуть позже у сокашника своего по университету в «Горе от ума» — «Вчера был бал, а завтра будет два. Тот свататься — успел, а тот дал промах. Все тот же толк, и те ж стихи в альбомах».

...1818 год. Круто меняется жизнь Степана Нечаева. Это предсказано переменами в настроениях передового общества. М. В. Нечкина — «Эпоха, нужды времени потребовали сильной и открытой общественной деятельности и более широкого круга объектов борьбы, вдохновленной высокими общественными целями».

Нечаеву — 26 лет. По тем временам уже не молодость. Общественные деятели созревают рано. И все-таки, конечно же, молодость!.. Что же выбирает наш герой на переломе общественных устремлений? Высокие, но беспокойные и по-рыцарски смелые цели? Или столь приятственные по продолжительности на долгие десятилетия барственные путешествия из гостиных в гостиные?..

Ответ, нетрудно догадаться, однозначен. Степан Дмитриевич Нечаев ставит решительное, не колеблясь, две подписи под двумя совершенно секретными документами. Это расписки о вступлении в тайное декабристское общество.

Союз Благоденствия — так поименовано это общество его основателями. Первая расписка — она, правда, не более чем разрешение сделать шаг к второй: «Я нижеподписавшийся, полагаясь на уверение, что ни в цели, ни в законах Союза Благоденствия нет ничего противного вере, отечеству и общественным обязанностям, — честным моим словом обязуюсь, если мне оные по прочтении не понравятся и я в Союз не вступлю, отнюдь не разглашать, наипаче же не порицать его».

Припомним исторические романы о декабристах... Красиво и возвышенно входили юноши-герои на дорогу беззаветного служения подвигу. Ночные сборы — трепет сердец и трепет язычков свечного пламени. Звонкие восклицания о грядущих подвигах и звон наград тех, кто успел пройти через воинские славы. Таинственность обрядов и едва ли кем-то надежно предвиденные тайны своих драматических судеб в совсем недалеком времени.

Вот и сейчас... Нечаев прочитывает бумагу. Все взгляды на него — рискнет ли протянуть руку к перу? Взгляд Нечаева на лица вокруг — что дальше предложит новое братство.

Перо в руках. Оно легко очерчивает буковки фамилии. Расписка дана. Нечаев обретает право еще на одну расписку. Только совсем не сразу макнет перо в чернильницу — ему дают в зеленом переплете стопу совершеннейшим образом секретных рукописных листов.

Глаза впиваются в заголовок списка — «Устав Союза Благоденствия, или Зеленая Книга». Еще именовали этот документ Законоположением.

Строки вослед идущего эпитафия. Они настраивают на торжественный лад: «Всякому же, ему же дано будет много, много взыщется от него: и ему же предаша множайше, множайше истяжут от него...»

И дальше — параграф один, который, казалось, уже сразу все обо всем сказал: «Все физические существа управляются явными законами». Явными?.. Не о Конституции ли речь?.. Конституция в России?!

Читать пришлось, видно, час с лишним.

Легкое гусиное перо снова в руках — «Я нижеподписавшийся, находя цель и законы Союза Благоденствия совершенно сходными с моими правилами, обязуюсь деятельно участвовать в управлении и занятиях его, — покоряться законам и установлениям от него властям и сверх того, даю честное слово, что даже по добровольном или принужденном оставлении Союза, не буду порицать его, а тем менее противодействовать оному. В противном случае добровольно подвергаю презрению всех благомыслящих людей».

Еще обычай: в тайне от новобранца расписки — обе — были сожжены. Конспирация!

Но если такая тщательнейшая тайна, что даже бумаги сожжены, то остались ли надежные доказательства, что герой нашего повествования все-таки вступает в Союз? Не зря обнародую этот вопрос. Ведь накопилось немало изданий, где в комментариях или в указателях к его фамилии нет даже упоминаний о том, что был декабристом.

Доказательства, по счастью, нашлись. С. Л. Мухина разыскала среди иных прочих донос 1826 года: «Я нижеподписавшийся коллежский ассессор Дмитрий Игнатьев сын Альбицкий, в исполнение Высочайшего Его Императорского Величества повеления, по чистой совести, без всякой утайки сам объявляю о кратковременной прикосно-

венности моей к Союзу Благоденствия, в который вступил членом в начале 1819 года по предложению бывшего тогда директором тульских училищ титулярного советника Степана Дмитриевича сына Нечаева...» (Выделено мною.— В. О.).

Союз просуществовал три года. Он подготовил почву для Северного общества, которому и выпала историческая доля вывести мятежные войска на Сенатскую площадь.

200 человек — всего! — вступило в Союз Благоденствия. Нечаев один из этих двухсот, кто добровольно положил себе участь снести все, что означало вступление в тайное общество. Новобранцы могли догадаться, что власти не будут церемониться с противуправительственными настроениями. Да и Устав откровенно предупреждал призывом к вновь вступающим: «...перенести все трудности, с стремлением к оной (К цели Союза, как говорилось строчкой выше.— В. О.) сопряженные».

О чем благоденствию должен был пещься член Союза? О благоденствии России и народа, нуждавшегося в республиканском образе жизни.

И еще неизбежный вопрос — чем конкретно должны были заниматься члены Союза? В Уставе ответ — «Каждый член, вступив в Союз, обязан, судя по своим способностям, приписаться к которой-нибудь из отраслей, в целях означенных, и сколько возможно содействовать трудам ее».

Отраслей, где предназначено использовать способности, как выясняется, было несколько. Они в Уставе так перечислены: «В цель Союза входят следующие четыре главные отрасли: 1-я — человеколюбие, 2-я — образование, 3-я — правосудие, 4-я — общественное хозяйство». Запомним первые две из них.

Но чему же по конечному счету отдал предпочтение Нечаев, исполняя волю своего тайного сообщества?

Это, как ни удивительно, проясняет все тот же «Послужной список». Разумеется, в нем ни слова, ни духу о тайностных увлечениях, однако сопоставить совсем нетрудно.

Отрасль — тайная! — «образование», но вот что в действительности: «1817. Сентября 18. По представлении Попечителя Московского Учебного Округа утвержден в звании Директора училищ Тульской губернии». Проработал здесь до 1823 года.

Отрасль — «чело­веко­любие». Уже не было Союза Благоденствия, но Нечаев не намерен отступаться от былых требований Устава и по этой отрасли — «1824. Мая 15. По высочайшему соизволению Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны утвержден в должности Казначея и Секретаря по Московскому Дому Трудолюбия».

Отзвуки благотворительных предначертаний Союза сопровождали Нечаева долгое время. Даже после разгрома декабристских организаций: «1826. Декабря 18. Определен Членом Комитета Московской Глазной больницы, в коей сперва исправлял должность Президента...»

1840 год, в Москве голод, и Нечаев устраивает «общественные столы для прокормления бедных», как это рассказывается в одном дореволюционном журнале. Другие сведения: «С. Д. Нечаев служил Президентом Комитета о просящих милостыни», далее — «Им написан устав попечительства, заведены Московские Детские приюты и устроен Работный дом».

ОТЗЫВ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Надо заметить, что С. Д. Нечаев исполнял волю своего тайного общества не только поощрением образования и благотворительности.

Познакомимся с еще одним требованием Законоположения Союза Благоденствия — «По мере сил своих личным примером и словом поощрять всякого к добродетели, распространять сообразные с целью Союза понятия, говорить правду и безбоязненно подвигаться за науку...»

С. Д. Нечаев исповедовал и это уставное требование.

1819 год. В журнале «Вестник Европы» появляется 27 философических — так в ту пору любили выражаться — заметок, с единым заголовком «Мысли, сравнения и замечания». Подпись под ними — «С. Нечаев».

Просвещенная публика заметила сии краткие и емкие изречения.

Вильгельм Кюхельбекер, например, заметил. И откликнулся в «Невском зрителе». Передовой, поясним, журнал. Он выпускался при участии Рылеева и самого Кюхельбекера. В 1820 году появляется в нем статья «Взгляд на текущую словесность». Здесь имя Нечаева. Надеюсь, что любопытно станет узнать, с кем объединено оно в этом обзоре литературных новинок. Кюхельбекер дает высокую оценку многим именитым — Жуковскому, Батюшкову, запискам адмирала Головнина...

Теперь прочтем то, что счел нужным написать о Нечаеве: «Мысли, которые в начале 1820 года заступили места переводных повестей, помещаемых обыкновенно «Вестника Европы» в прозе под статью «Изящная словесность», отчасти новы, хороши, остроумны; отчасти же стары, обыкновенны и даже вовсе не справедливы, напр.:

Хорошего человека скоро узнать можно, дурного — никогда.

Мы счастливы — только лишь счастьем других.

Кто способен ненавидеть, тот не может любить.

Впрочем, мы должны отдать справедливость г-ну Нечаеву; его мысли не принадлежат к числу тех мыслей без мыслей, которые иногда попадают под названием: мысли, замечания и характеры и т. п.»

Последняя нечаевская подборка такого рода заметок появляется в 1825 году. На этот раз в декабристском альманахе «Мнемозина»,

который был рожден и велся Кюхельбекером. Кюхельбекер долго держал в памяти способности Нечаева к кратким рассуждениям. Даже в Сибири. Читаю в дневнике 1832 года — «В одной из прежних книжек «Вестника» под статьей Нечаева «Мысли и замечания» попала мне мысль довольно новая...»

Но отчего такое — внимательнейшее — отношение Кюхельбекера? И почему посчитал не переменным для себя делом публично поддерживать проявленные в чуждом для себя «Вестнике Европы» философические наклонности московского сочинителя, причем, как сам — справедливо! — заметил, далеко не однозначные по оригинальности и значимости?

Чтобы сыскать надежный ответ, прочитаем нечаевские изречения как бы глазами самого Кюхельбекера, яростного, как всем известно, врага косности, несправедливости, тирании, рабства, глазами, пожалуй, одного из самых декабристских декабристов.

«Блаженно государство, где можно делать добро без спроса и без страха». Все здесь, согласитесь, по тем аракчеевским временам крамольно и сугубо запретно для высказываний вслух. Смел Нечаев.

Еще обличение, в котором за простодушной притчей ничем не прикрытое едкое изъятие неудовольствия царящими в верхах нравами: «Изба степного крестьянина во многом походит на двор Монарха. Как здесь, так и там, беспрестанно попадают в глаза несносные тараканы, докучные сверчки, ядовитые пауки, жадные цыплята и пр. Одних кротких голубей не увидишь во дворцах». Саркастичен в борьбе со злом Нечаев.

Поучает самого самодержца: «Государь не должен иметь других друзей, кроме друзей отечества». Наивен и простодушен Нечаев.

Читаем дальше — и опять же опасная своим призывом к российским умам мысль: «Добро, которое делаем мы непосредственно, обыкновенно ограничивает действие свое нашим веком. Добро, которое можем делать не сами собою, родит иногда благотворные плоды через целые столетия. — Таким образом философы, просвещающие разум и поучающие правосудие, поэты, прославляющие добродетель и порицающие гнусность порока, художники, воспламеняющие благородный жар к прекрасному и великому, часто, не действуя на нас непосредственно, приносят гораздо более пользы, нежели люди посвятившие жизнь свою простой благотворительности». Прозорлив в оценках силы передового слова Нечаев.

Пропагандистские, философские изречения подкрепляет служением поэзии.

1819 год. С. Д. Нечаев печатает стихотворение «Мечтатель». В нем мотивы неудовлетворенности окружающим. В нем мечты — пусть политически наивные — о золотом веке, о жизни во всем совершенной и счастливой.

И как странник во вселенной,
Он тоскует с юных лет
По отчизне отдаленной,
Где тоски и горя нет.

Еще строчки, в коих надежда на возможности справедливого общества:

Мудрость; кто же ее находит,—
Тот не знает горя, слез!
Добрый в ней обрел отраду:
Не страшит его злой рок;
Правда, честность зрит награду,
Осужден к стыду порок.
Всей Природы на престоле
Воцарилась любовь:
Не томится сердце боле
Страсти нежной от оков!
Нет измены, нет страданья!
Век золотой опять цветет:
Всюду блеск очарованья!
Все в восторге радость пьет!..

Вот каков С. Д. Нечаев в своих попытках распространения опасных идей в эту мрачную пору царящих в России экзекуций и секудий.

«Ты ничего не понимаешь, эти люди могут кого хотят возвысить или уронить в общем мнении». Так сказал одному из своих приближенных царь Александр о тех, кто вступил в Союз Благоденствия. Он успел прослышать о его вредной для трона деятельности. Но не успел принять должных против декабристов охранительных мер. На Николая это выпало...

Но не позабудем совета Л. М. Леонова: нам надлежит быть в оценках жизни творчества Нечаева справедливыми. Вследствие этого надобно сказать, что в его пропагандистских размышлениях было не только то, что имело явное декабристское происхождение. Встречается и иное. Не просто политическая наивность, но и прямая идеалистика, подчас заурядная похвала проявлениям нравственности религиозного происхождения, а то и вовсе ничего не значащие сентенции.

...Время, отведенное историей Союзу Благоденствия, подходило к концу.

В одной из своих книг М. В. Нечкина раскрыла причины того, почему наступал конец этого и одновременно пришло начало нового Северного общества: «...Именно к этому времени относятся многочисленные «охлаждения» к обществу и «разочарования»... Радикализируя одних, острота положения внутри страны и приближение переворота выбивали из движения других...

...Требования к члену новой организации теперь должны были в корне отличаться от прежних. Ранее требовался проповедник, агитатор, смелый разоблачитель язв отечества, пламенный оратор. Ныне стал необходим осторожный конспиратор, военный человек, решительный и смелый в революционном действии, популярный в войсках командир, снискавший любовь и доверие подчиненных, человек, в полном молчании и тайне готовящий военный переворот. Ранее члены вдохновляли друг друга на проповедь, на гласное обсуждение всех «зол» и «язв отечества». Теперь эта открытая и явная агитация уже была признана не только излишней, но прямо вредной и руководители организации стали отучать молодых офицеров «кричать» в гостиных».

Это пространное извлечение из трудов академика прочитать необходимо. Оно позволит избежать и преувеличения и преуменьшения роли одного из членов этого Союза, С. Д. Нечаева. Оно поможет понять то, что дальше происходило с Нечаевым после роспуска Союза и почему именно так, а не иначе складывалась его общественная стезя.

III. В ЗЫБКЕ «ЗВЕЗДЫ»

При составлении нашего издания г. Рылеев и я имели в виду более, чем одну забаву публики...

Из статьи А. Бестужева-Марлинского, со- редактора альманаха «Полярная звезда».

Итак, Союз Благоденствия прекращает свою противуправительственную деятельность. Это январь 1821 года. Решение принято съездом в Москве.

Что же С. Д. Нечаев после 1821 года?..

СТАЛ ЛИ ОТСТУПНИКОМ?

В «Послужном списке», вполне понятно, о пребывании или о выходе из тайного Союза — ни слова. В нем чиновная ипостась Нечаева: «Определен в Канцелярию Московского Военного Генерал-губернатора для исправления особых поручений».

Нечаев, таким образом, попадает под влиятельнейшую губернаторову руку князя Д. В. Голицына.

Но каковы теперь общественные целеустремления Нечаева? Были среди бывших членов Союза Благоденствия те, что прощаются —

навсегда — с участием в крамольных организациях. Переболели... Были и такие, что вышли из Союза, но еще долгое время не порывают отношений с декабристами. Федор Глинка, для примера. Немало, однако, тех, кто определенно не пожелал по крепости своих убеждений отойти от активной деятельности в политических сообществах. В их числе, заметим, добрый знакомый Нечаева Иван Пущин. Он вступает в новое и более решительное из всех, Северное общество. Пущин возглавляет Московскую управу этой организации. Пущин принимает в ряды северян Рылеева.

Нечаев не вошел в ряды северян. Почему? Пока, признаюсь, нет ответа ни в давних свидетельствах очевидцев, ни в научных исследованиях нашего времени. Так получилось, что прежде всего сам Нечаев скрыл — надежно — свою декабристскую деятельность. Ничего, никогда и никому не писал ни о своем вступлении в Союз, ни о делах своих в нем, ни даже о причинах своего выбытия из него. Ни в дневнике, ни в обширной переписке обо всем этом — буквально ни слова.

Что предположить? Может быть, самое худшее и наипозорнейшее: смалодушничал и стал отступником, предал идеалы, которые разделял, вступив в Союз Благоденствия?

...30 ноября 1821 года. Нечаев принят в Общество любителей Российской словесности при Московском университете.

Блистательным созвездием многих членов своих, а также более чем столетним существованием общество это при всем том, что оно подчас не всегда за свой долгий век находило свое союзническое место в демократической культуре, все-таки воспринимается историками с уважением.

Нечаеву посчастливилось войти в предельно избранный круг московской художественной интеллигенции. Только 35 действительных членов да еще несколько почетных могли состоять — одновременно — в нем. И ограничения определялись не только числом. Известность на литературном поприще (В Уставе значилось — «Известных дарованиями своими») и не леность общественная («Желающих ревностно содействовать намерениям Общества» — писалось там же) — таковы главные условия при приеме.

Общество основано в 1811 году. Конечно, при вступлении Нечаеву уже были известны главные его задачи. В Уставе они изложены в следующих выражениях: «Общество учреждается для того, чтобы распространять сведения о правилах и образцах здоровой Словесности и доставить публике обработанные сочинения в стихах и в прозе на Российском языке, рассмотренные предварительно и прочитанные в Собрании».

На деле все это выглядело так: 5—6 раз в год собирались, чтобы читать и сообща обсуждать новые свои произведения. Иногда

допускали исключения: читались творения петербуржцев. И, как выясняется, не только именитых, но и с предчувствием, что могут стать таковыми... Вот интересный пример в сохранившемся отчете об одном из заседаний. «24 февраля 1817 г. в заседании Общества было прочтено В. Л. Пушкиным стихотворение «Анакреонова гробница», сочинение Александра Пушкина, воспитанника Царско-Сельского Лицея». 18-летний поэт принят в общество в 1829 году. Это значит, что Нечаев голосовал за его прием.

Важно знать, что Общество было весьма разнородно по литературным взглядам и политической устремленности своих участников. Не менее важно знать и то, что декабристы оказывают на него все более крепнущее влияние и лишь разгром тайного общества прервал это воздействие.

Кто же входил в передовое крыло Общества в годы, когда находился в нем Нечаев? За его прием в числе иных голосовали декабрист-поэт Ф. Н. Глинка, близкие декабристам П. А. Вяземский и Н. И. Гнедич, сопричастный передовому литературному сообществу «Арзамас» К. М. Батюшков, весьма и весьма небезразличный к декабристским идеям баснописец Иван Крылов...

Идет время, и вот уже и сам Нечаев определяет своим голосованием прием новых действительных членов. Например, В. Ф. Одоевского, сподвижника Кюхельбекера и его соредатора по декабристскому альманаху «Мнемозина», Дельвига и Плетнева, добрых приятелей многих декабристов, В. С. Филимонова, бесстрашно после 1825 года примкнувшего к оппозиционному литературным кругам, декабриста С. Е. Раича, М. Н. Загоскина, знаменитого романиста, что входил в «Зеленую лампу», это близкое декабристам литературное объединение.

Обязательно заметим, что среди почетных членов были не только обер-прокурор святейшего синода в недавнее время А. Н. Голицын или близкий царю С. Г. Строганов. В их числе антикрепостник поэт и драматург, автор «Оды на рабство» Василий Капнист. В этом же почетном звании Державин, Карамзин и А. Ф. Мерзляков, что уже при жизни слыл истинно народным поэтом, — это ему принадлежат стихи «Среди долины ровныя...». В Обществе — сам Жуковский и живая легенда поэт-гусар Денис Давыдов, В. Л. Пушкин — один из учредителей. Приняты также Булгарин и Греч...

Пестрота, конечно же, удивительна. Но как не сказать и того, что само по себе это воссоединение имен — при всей полярности идейных устремлений — общественно значимо.

Нечаев не в тени. Он достаточно активен, не раз знакомит собратьев по обществу со своими стихами. Узнаю об этом, обзаведясь 100-летним дневником заседаний. Уселся за него с надеждой сыскать имя Нечаева. И сыскал свидетельства участия героя нашего повествования в занятиях общества.

«1820 год, ноября 27.53-е обыкновенное заседание» — Нечаев читает стихотворение «Голгофа». Тогда же читались произведения вольнодумца Капниста. 1822 год, 27 мая — еще стихи Нечаева «Весна». И вновь совпадение — одновременно и Капнист читает. 1823 год, 24 февраля — новые стихи: «Три заблуждения» и «Спутницы». 1825 год, 9 марта — В. Л. Пушкин читает басню Нечаева «Ссоры». Но не всегда только стихи. На «56-м обыкновенном заседании» он выступил с докладом «О выборе предметов в изящных искусствах». В тот же день читались и обсуждались стихи старика Капниста и молодого поэта Тютчева...

«...МИЛАЯ МОЯ ШЕХЕРАЗАДА!»

Главный вопрос обязан быть более четким: с кем герой нашего повествования, за кого и против чего он?..

Публично Нечаев мог выразить свою общественную устремленность не только декламациями в Обществе, но и выбором печатной трибуны.

В ту пору было из чего выбирать — в обеих столицах выходило 35 газет и журналов. Возможно сотрудничество в декабристских или примыкающих к декабристам изданиях. Это альманахи «Полярная звезда», «Звездочка», «Мнемозина» и журналы «Московский телеграф», «Соревнователь просвещения и благотворения». Возможно сотрудничество в таких благонамеренных и официально почитаемых изданиях, как «Русский инвалид», «Сын отечества», «Московские ведомости», «Русский вестник»...

Что же выбрал Нечаев?

...1823 год. Однажды из Петербурга пакет. В нем альманах. На переплете лира, над лирою звезда в лучах и по обыкновению того времени в плавных завитушках выписанное название — «Полярная звезда». 1823 год. Изд. А. Бестужевым и К. Рылевым в С.-Петербурге. На титульном листе добавлено: «Карманная книжка для любителей и любителей русской словесности».

Об альманахе сразу по выходе горячо заспорили. Одни — с предубеждением. Другие — благословляя. Одни несли о нем худую славу. Другие отзывались с нескрываемым душевным удовольствием.

И в нем — имя Нечаева. Оно в статье самого Бестужева, одного из основателей альманаха и соредатора. Это, конечно, след знакомства Бестужева с Нечаевым и с его поэзией.

В Москву Бестужев выехал в феврале 1823 года. Затеваемый альманах немислим без авторов-москвичей. В дневнике записал: «...Знакомство с Каченовским, с Нечаевым, с Малиновским, с Антоновским — вечер у Нечаева.

...Был у меня Каченовский, **Нечаев**, Калайдович.

...Был до 2-х часов в Архиве. Потом у **Нечаева**. Славно и весело. (Выделено нами.— В. О.)».

Сближение с Нечаевым происходило очень быстро. Нечаев дал согласие печататься в «Полярной звезде». Зыбка «Звезды», так часто говорили о гостеприимном для вольнолюбцев альманахе, стала родной и для этого вышедшего из декабристского сообщества, но оставшегося среди декабристов поэта. Теперь и он «Звездочет»...

Не премину сообщить о такой для Нечаева неожиданности от сотрудничества в альманахе: по выходе номера ему предложили деньги. Станным по тем временам выглядело такое предложение. «Полярная звезда» первой стала выплачивать гонорар за литературный труд.

Еще одна, но гораздо более интересная замета — для Рыльева с Бестужевым Нечаев оказался нужным не только как приит-сочинитель. Узнал об этом из приписки-постскриптума к сентябрьскому письму Бестужева поэту П. А. Вяземскому. В приписке четыре всего строчки. Чтобы уловить общую ее значимость, перечислю эти строчки по порядку. Первая строка писана о покупке сочинений у Баратынского. Вторая о том, как Пушкин высоко ценил дружество с Вяземским. Две же последние о Нечаеве — «Если увидите Ст. Нечаева, сделайте одолжение, напомните ему об обещании собрать для нас у московских стихотворцев статьи». Вот какое ответственное задание о вспоможении альманаху выпало москвичу! Он стал, выражаясь сегодняшним языком, как бы собственным его корреспондентом по Москве.

Дружба оставила немало приметных следов. Из письма Бестужеву от 25 мая 1825 года: «Где ты, милый! Что с тобою? Безутешная твоя Людмила посылает тебе два письма, сейчас полученные. Одно из них должно быть от Рыльева, которого ты давно прижал к ретивому...

...Я знаю, что ты ко мне писать не собираешься. По крайней мере, когда решишься опять побывать в Москве, вспомни, что у меня найдется для тебя всегда небольшая комната и трубка табаку. О дружбе моей говорить не люблю. Догадливый поймет и сам, а кто не разгадает, счастливый его путь».

И вот такая — выделю — в этом письме приписка: «Твое «Горе от ума» отдал я для пересылки Ширияеву. Поклонись от меня другу Грибоедову и Кондратью Федоровичу».

Еще одно письмо — от 9 ноября (совсем немного остается до Сенатской площади!). Оно по первой уже строке пронизано дружески добрым, хотя, видно, только им, друзьям, в полноте своей понятным юмором: «Насилу ты откликнулся, милая моя Шехеразада! Не было от вас ни слуху, ни духу,— и я, право, не знал, что о тебе подумать. Последнее письмо твое оправдывало тебя передо мною и тем дружеским запросом, который ты без обиняков делаешь мне...»

Здесь же о тех, кто обоюдно приятен и близок: «Якубович был

твою Музою. Пожми за меня богатырскую его руку. Привези его с собою». Дальше упомянуты Вяземский, Баратынский, Плетнев.

И о Рылеев сказал, да так, что без сомнений явствует о самых коротких отношениях: «Обнимаю почтенного Рылеева, которому пора переселиться... в матушку Москву, где... (многоточие Нечаева.— В. О.)».

Было также о некоторых сторонах сугубо деловых взаимоотношений редактора и поэта: «Пожалуйста, попроси, чтобы правописание и пунктуацию оставили, как у меня значутся. Люблю в детях видеть себя даже с моими родинками и пятнами».

В письмах другу много всего разного, даже стихи:

Я не завидую Париду:
На трех богинь взирать он мог;
Одну я видел Зенеиду —
И весь Олимп у милых ног!

Приписка такова: «Ты, верно, угадываешь, о какой Зенеиде идет дело. Это наша полярная Коринна...»

Нам спустя 160 лет еще более трудно, чем Бестужеву, угадать, кому посвящены столь возвышенные строки. Но мы знаем: это Зинаида Александровна Волконская, та самая, что впоследствии устроила прославленные смело-торжественные проводы своей невестке Марии Волконской в Сибирь, на каторгу, к мужу-декабристу...

Однако пора вернуться к статье Бестужева в «Полярной звезде», в коей он написал о Нечаеве. Читаем: «Сверх означенных здесь можно с похвалою упомянуть об Александре Писареве, Маздорфе, Норове и Нечаеве». Так в один ряд воссоединены по замыслу критика Нечаев и водевилист Писарев, баснописец Маздорф и Норов, поэт, переводчик и писатель-путешественник.

Не удержусь, чтобы не полюбопытствовать, а кто числится в бестужевской статье «сверх означенными»? Это тоже не помешает знать, чтобы представить те литературные силы, которые поддержаны одним из декабристских вождей. Он рассказывает о Фонвизине, Капнисте, Державине, Карамзине, Котляровском, о Муравьеве, отце декабристов, о Крылове, Жуковском, Батюшкове, о А. С. Пушкине. Пишет о Ф. Глинке, Баратынском, Рылеев, Загоскине, Грибодове...*

Лестно, догадываюсь, Нечаеву войти в такое созвездие, пусть даже пребывая в беглой перечислительности.

* Перечисление осуществляю в той последовательности, что избрана в статье самим Бестужевым.

И ПУШКИН, И МИЦКЕВИЧ, И СТРОГАНОВ...

Служба в Москве и сотрудничество с передовыми журналами одарили множеством интереснейших знакомств. Они оставили след в жизни и на отношении к ней надолго...

С А. С. Пушкиным он познакомился при посредничестве дяди поэта — Василия Львовича Пушкина, давнего доброго приятеля. Оба члены Вольного общества любителей российской словесности. Сохранилось немало свидетельств знакомства. Вот некоторые из них.

Письмо поэта П. А. Вяземского в 1828 году: «Поехал я обедать к Перовскому... Там были сверх того: Карбонье, Филимонов, Нечаев, Крылов, Пушкин, Мицкевич (выделено мною.— В. О.)». Приметим, что в этом окружении два литератора прямо, то есть по членству своему в Союзе Благоденствия, сопричастны декабризму — В. С. Филимонов и Нечаев.

Еще письма, но уже самого Пушкина непосредственно Нечаеву.

Одно от 12 февраля 1834 года. Стилль сугубо официальный, ничуть не предполагающий личного знакомства. В нем просьба поспособствовать несчастной судьбе одного священника-пьянчужки.

Второе послание кратко, но в нем все обозначает достаточную меру близости: «Возвратите мне, любезный Сергей Дмитриевич, не посылку, но письмо; я забыл в нем сказать нужное. Когда в путь? А. Пушкин». В письме, там, где идет имя, — явная описка. Но не это обидно: уж никак, видно, не установить, какой повод подтолкнул Пушкина писать Нечаеву.

Среди знакомых Нечаева был и Адам Мицкевич. Общность знакомств всегда много означает. Вот и сейчас: Нечаев знаком с Мицкевичем, Мицкевич, в свою очередь, успел сдружиться с теми, с кем давно уже дружен Нечаев, — с издателями «Звезды». Рылеев писал — многозначительно — о поэте-поляке и его сподвижниках: «По чувству и образу мыслей они уже наши друзья».

Дружил Нечаев и с Иваном Ивановичем Пушиным, будущим участником восстания. Тот в Москве совершил неслыханный для блестящего гвардейца поступок — стал надворным судьей. Цель понятна: мечтал служить справедливости. Нечаев близко сошелся с этим редкостным по общественным целям и по личным качествам человеком. Рылеев как-то выразился: «Кто любит Пушина, тот уж непременно сам редкий человек». Известно о том, как дорожил дружбою с ним Пушкин. Известно о том тоже, как выскажется о Пушине царь Николай — с полной для себя определенностью: «Первейший злодей из всех».

В начале декабря 1824-го в Москву самолично пожаловал Кондратий Федорович Рылеев. Как первопрестольная встретила, жене отписал: «Меня приняли и знакомые и незнакомые как нельзя лучше, и я едва мог выбраться, затаскали по обедам, завтракам и ужинам».

Уверен, что и Нечаев здесь подразумевается.

Во всяком случае, Рылеев хорошо запомнил факт союзнических отношений с Нечаевым тогда, когда решалась судьба одной из самых революционных поэм — «Войнаровский». В феврале 1825 года пишет П. Вяземскому: «...боюсь за Войнаровского: из письма Нечаева вижу, что цензура опять в раздумье».

Александр Иванович Тургенев, один из замечательных братьев Тургеневых, друг Пушкина,— друг и нашего героя. С ним всегда интересно — это одухотворенный общественными идеями публицист. Он автор знаменитой «Хроники русского».

С Александром Ивановичем Якубовичем сошелся Нечаев в момент, когда тот в ореоле подвигов кавказских сражений и с романтической повязкой на голове от раны приехал в Москву.

Поэту, переводчику, знатоку немецкой литературы и латыни Василию Федоровичу Тимковскому Нечаев посвятил стихи «Воспоминания», которые опубликовал в «Полярной звезде». Передовые политические взгляды этого человека, к сожалению, постепенно забылись и не более чем упоминались в статьях и книгах. Лишь в 1969 году появилась в одном журнале основательная научная работа *.

Перечень тех, с кем Нечаев повязан общими интересами левого крыла московского писательского общества, полнится еще и еще. И прежде всего значительными именами, как Василий Капнист и Иван Крылов, Николай Гнедич, Константин Батюшков, Антон Дельвиг...

Было доброе знакомство и с Василием Андреевичем Тропининым. Запал Нечаев в душу выдающемуся русскому художнику. Он создал в 1825 году отличный портрет нашего героя. Портрет сейчас хранится в Рязани. У него судьба тоже полна тайн и приключений. Портрет исчезал. Его разыскали, но долгое время попросту никто не знал, кто же автор. К тому же лишь недавно выяснили, кто собственно на холсте изображен. Вариант портрета в Третьяковке.

Знакомства разные были. Даже с рьяным реакционером митрополитом Филаретом.

Губернатор Голицын к Нечаеву, чувствуется, благоволил. Много всего разного собралось в этом почтенном русском барине, как писал о нем в «Былом и думах» Герцен.

С одной стороны, в припадках благопочтительнейшего отношения к императору становился горазд на самое непредсказуемое. К ожидаемому приезду Александра выкинул такой номер, что и в Петербурге

* Л. М. Шейман. Василий Тимковский, декабристы, Пушкин... «Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе». 1969 г., вып. 2.

потешались. До Бестужева тоже дошло, о чем в одном из писем с сарказмом отразил: «...сказывают здесь, что Голицын для показу государю велел всем отставным выбрать усы насильно, чтобы дать им европейский вид? О, просвещение!» С другой стороны, в гордыне мог и необычно смелым оказаться. Так, дал Нечаеву возможность познакомиться с самим Мицкевичем. Не специально, конечно, а тем, что безобязно согласился взять в свою канцелярию этого высланного из Польши за участие в тайном освободительном обществе поэта.

Служба под Голицыным позволила сдружиться — причем надолго — с Александром Григорьевичем Строгановым. Строганов — родственник губернатору. Богач — один из первейших в России. И еще особа, приближенная к императору: флигель-адъютант. Высочайшими милостями не обделен — в 1826-м сменили ему титул барона на графский. Непрост Строганов — вернейший слуга царю, но притом сколько же неожиданностей. Герцен именует его другом декабристов. Он и в самом деле близок, для примера, с Бестужевым-Марлинским, а это значило, что и с Нечаевым знакомство крепнет благодаря переплетению таких приятельских уз. Однако не станем представлять Строганова таким радикалом. Впрочем, об этом человеке мы еще кое-что важного узнаем...

Нечаев, как видим, щедр был на знакомства. Хромота не испортила характера, не сделала угрюмым. Правда, и сладеньким в общении никто его не называл. В воспоминаниях о нем многие — не сговариваясь — писали: резок, горячий, с насмешкой...

Всматриваюсь в портрет Нечаева кисти Тропинина. Близок ли он оригиналу? Талант художника вне подозрений. Это к тому, что удивителен облик Нечаева — он загадочен и необычен даже внешне. Пухлая рука, мягкое лицо с округлым подбородком, ухоженные волны слегка подбитых по тогдашней моде волос, ало-муаровая накидка... Но! Жесткие голубые глаза пристального и широко открытого взгляда, четкие начала ровно очерченных бровей, крупный скульптурно прямой нос, щеки и виски — без бакенбард, обычных по моде тех времен, что тоже добавляет лицу строгости. И еще: грудь без орденов — странно, ибо противоречит обычаям. Воли и власти в облике явно больше, чем неги и мягкости. Притягивает — неудержимо — лицо этого человека...

Во второй половине 1823-го в Москву пожаловал Вильгельм Карлович Кюхельбекер. Вскоре произошло его знакомство с Нечаевым. Предполагаю, что свел их князь Владимир Федорович Одоевский. Одоевский совсем непричастен к декабристскому восстанию, однако причастен к дружбе со многими декабристами. Некоторые их идеи разделял. Потому-то стал вместе с Кюхельбекером готовить новый для России альманах. Назвали его по имени греческой богини памяти, матери всех покровительниц искусств — «Мнемозина».

...Вот и сошлись факты, надежно удостоверяющие — Нечаев, добрый знакомец многих ярких личностей своего времени. И он не только и просто был связан с передовым крылом Общества любителей российской словесности, но и с руководителями декабристских изданий. Нечаев активен в сотрудничестве с ними.

Но не преувеличиваем ли мы политическую значимость самого по себе факта, что Нечаев печатался в декабристских изданиях? Ведь сотрудничество в передовых изданиях того начального периода становления российской журналистики не обязательно всегда означало полнейшее идейное союзничество. Всяко по разным причинам складывалось. Рылеев и Бестужев вынуждены привлекать и тех, кто тяготился политической деятельностью или сторонился ее, но являлся для читающей России притягательной знаменитостью, — Жуковский, Денис Давыдов, Иван Дмитриев, например. Привлекли даже пресловутого графа Хвостова, что слыл бездарнейшим графоманом и славился лишь обилием в свой адрес эпиграмм и пародий. Вспомним пушкинские. Но привлекли не зря. Оказывается, Хвостов создал стихотвореньице «К портрету Николая Семеновича Мордвинова». Мордвинов, надо знать, известный аристократ, адмирал. Однако, как уже упомянул, желал реформ и конституции. По этой причине Северное общество намечало его в состав Временного правительства. К тому же такое случилось в альманахе — цензор не пропустил рылеевские стихи о Мордвинове.

Следовательно, и в самом деле важно не столько то, что Нечаев вошел в сотрудники декабристских изданий «Полярной звезды» и «Мнемозины», а скорее — с чем, с какими темами и идейными намерениями стал в них сотрудничать.

«К ДОБРУ УВЛЕКАЮЩИХ...»

Стал 1824 год особым и для Северного общества, и для альманаха «Полярная звезда». Пестелю, приехавшему в Петербург, удалось посеять среди северян «республиканские семена». Руководство перешло к группировке решительных действий. Ее возглавил Рылеев. Читателям второго номера «Полярной звезды», ничего, разумеется, не знавшим о потаенных деяниях редактора, тем не менее можно бы догадываться о переменах. Левее, говоря современным языком, альманах. Недовольства, негодования, ожидания перемен стало в нем заметно поболее...

В этом втором номере — вновь имя Нечаева. На этот раз — под собственным стихотворением «Сирота». Буду откровенным, трудно писать что-то определенное о большом, на девять не очень выразительных восьмистрочных строф, произведении. Вроде бы ничего декабристского — суть стихов грустная и безотрадная жизнь девочки-сироты.

Неужто столь низка творческая требовательность соредакторов? Не хочешь так думать. Предполагаю, что напечатали стихи во имя необходимой для журнала темы.

Отчего такое предположение? Вспомним, что призыв к благотворительности, к жалости и сочувствию несчастному человеку был одной из главных идей Союза Благоденствия. Был даже в прямой связи с поэзией специальный на этот счет пункт в Уставе: «Убеждать, что сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей, ни в непонятности изложения, но в живости писаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих». Вот где, согласитесь, подтверждение предположению, что вовсе не случайно декабристский альманах печатает «Сироту».

Кюхельбекер оказался отличным редактором «Мнемозины». Вместе с Одоевским смелый затеял альманах. Кредо альманаха в таких вот опубликованных строчках: «Издатели предвидели... участь, которая ожидает всякого, осмеливающего издеваться над закоренелыми заблуждениями, и заранее презирали ничтожный крик самолюбивого невежества, которое, будучи довольно своим счастливым состоянием, не хочет и не может вообразить, что за тем кругом, которым оно себя ограничило, существуют какие-либо знания, какой-либо особенный образ суждения.— Издатели, повторяю, презирали недоброжелательные о себе толки; главнейшая цель издания нашего была — распространить несколько новых идей...»

В число сотрудников вошли Пушкин и такие признанные таланты, как Д. Давыдов, П. Вяземский, Н. Языков. Сам Кюхельбекер рискнул напечатать свою трагедию «Армяне» — открыто тираноборческую. В числе авторов Николай Полевой — будущий редактор независимого «Московского телеграфа». Видно, проходит здесь школу, приглядываясь к тем, кого вскоре пригласит к себе.

Нечаев входит в «Мнемозину» со второго выпуска. С чем входит? С хорошим приданым — в трех успешных выйти номерах печатается шесть произведений.

Расскажем о самых значимых, о тех, что помогут проникнуться общественными заботами этого человека.

«Застольная песнь греков» — это стихотворение из третьего выпуска. Вот несколько строф:

Кто в мире избрал путь прекрасный,
Путь трудный чести и добра,
Тому грозит бедой напрасно
Причудливой судьбы игра.

...Исчезнут мрачны препинанья,
Замолкнет грустный звук цепей,
И совершатся ожиданья
Отчизны истинных друзей.

...Тогда мы братский круг составим
И, разогнав тиранства тень,
Отчизны светлый день прославим,
Как славим ныне дружбы день!

Стихи — отклик на грянувшее в феврале 1821 года восстание греков против турецкого владычества. Лучшие сыны России выразили тогда поднявшейся Греции открытое сочувствие — вспомним греческие стихи Пушкина, Рыльева и Кюхельбекера.

Надо знать, что как для них, так и для Нечаева стихи в поддержку греков — дополнительная возможность, чтобы воспользоваться чужеземными событиями и говорить вслух, легально о свободе, о выступлении против любого ига, рабства и закабаления. В том числе в своей стране. Друг Нечаева Н. И. Тургенев выразил это решительно и прямо, без всяких эзоповых ухищрений: «Лучше ли жить многим из наших крестьян под своими помещиками, нежели грекам под турками?»

В следующем номере «Мнемозины» еще два стихотворения Степана Нечаева. И вновь произведение останавливает внимание в тех местах, где наполнено общественно значимыми настроениями. В случае же, где все помыслы отданы сугубо личным переживаниям или впечатлениям, увы, Нечаев предстает банальным архаистом.

К первому при всех неожиданных для общино серьезного Нечаева легкомыслиях отношу «Различные потребности»:

Для ума потребен Гений,
Для рассудка — опыт лет,
Для улана — конь игрений,
Для прелестницы — корсет,
Для романса — нежны чувства,
Для сатиры — едка соль.
Торгашам — плутов искусство,
Скареду — Тартюфа роль;
За девицами — смотренье,
Для ревнивых — сто очей,
Для влюбленных — снисхожденье,
А терпенье... для мужей*.

Издательская сноска к строчке о торгашах была таковой — «Не литературным ли?»

«Мнемозина» познакомила публику с весьма своеобразным стихотворным очерком Нечаева «Ручей Улькуш». Читаю и никак не

* Стихотворение перепечатывается по «Мнемозине». С. Л. Мухина печатает его в своей статье «Из истории литературы декабризма» по публикации 1887 года из журнала «Русская старина», считая, что оно приводится без цензурных поправок. Но мне показалось важным представить его таким, каким увидели стихи современники.

могу отделаться от мысли, что творение это по своим художественным достоинствам откровенно слабо. Но вновь вопрос: отчего публикуется? Уверен, подкупило темой. Приглашаю вникнуть в это обстоятельство. В очерке смелая для своего времени и необычная при этом грань интересов и волнений Нечаева.

Вот для примера поэтическая характеристика героя стихов: «...Кипящий нетерпением, Под мрачным сводом берегов Ты утомился заточеньем И с гневом рвешься из оков...»

Кто он, герой поэта? На ум приходит разное. Гордый демон, предтеча лермонтовского?.. Страдающий в заточении абрек?.. Рвущийся к схваткам сказочный витязь?.. Но Улькуш всего-навсего не более чем имя горному ручью.

Однако почему же тогда столь явственно оживлены заключительные строфы?

Не сетуй, друг мой! Мрак забвенья
Не будет участью твоей:
В священный час уединенья,
Беседуя в тиши ночей,
Ты разделял свои печали
С *Егокой* Русской старины...

Проницательный читатель, убежден, легко понимал, зачем понадобился Нечаеву нехитрый, на поверхности лежащий прием отвода глаз от истинной идеи стихов. Как было не уловить безусловной преднамеренности свободоборческого замысла.

Стихи порождены путешествием на Кавказ в 1823 году. Именно это объяснено в небольшом вступлении от автора. Там война — длительная и ожесточенная, с жертвами, с кровью. Пространны стихи, но, отметим, в них не нашлось места для разжигания вражды к сражающимся иноверцам. Больше того, очевидны мотивы сочувствия. Печаль воюющих, пишет Нечаев, разделена русскими егоками (поэтами, так это объяснено в предисловии). Официальная Россия, конечно же, иначе относилась к горцам. В Записках генерала Евдокимова тех же лет вычитал: «Разноплеменный народ Закубанского края, необузданный благонамеренным правлением, живет по произволу без цели и видов к будущему. Если горцев сравнить с хищными зверями — это не будет противоречить истине и сократит рассказ о склонностях и общественном быте дикого народа, столь упорно противящегося мощной силе русского оружия».

Замечу, что редактор «Мнемозины» также успел побывать на Кавказе. Кавказская поэзия Нечаева, предполагаю, была родственна Кюхельбекеру, в том числе добрым отношением к горским обычаям. В его дневнике можно прочитать: «Вообще насмешки над обрядами и мнениями в презренье к вероисповеданиям других народов мне ненавистны...»

С. Л. Мухиной удалось извлечь из забвения немало интересного из того, что сопровождало поездку Нечаева на Кавказ. Она обнаруживает послание Нечаева декабристу Г. А. Римскому-Корсакову. В нем строчки, конечно же, единомышленные «Ручью Улькушу»: «В аулах Кабарды безлесной, среди вертепов и пустынь, Где кроет свой приют безвестный Свободы непокорный сын». И еще немаловажный итог путешествия — знакомство и дружба с поэтом и просветителем Шором Ногмеевым, что воспел в своих поэмах дружбу русского народа и черкесского...

НА СМЕРТЬ ДЕКАБРИСТА

После длительного перерыва Нечаев в 1824 году возвратился к сотрудничеству с «Вестником Европы».

В июльском, как принято было в те времена говорить, номере — два его творения. Невелики по объему. Да и названы они, как десятки других, распространенных по своему жанру в журналах и газетах того времени, — «Эпитафия» и «Некрология». Прочитаем «Эпитафию» — полностью.

Среди юных лет цветущий сединами,
Он образцом служил для сверстников младых;
Как нежный брат, он был любим друзьями,
Как верный друг, он утешал родных.
Минутная весна его полезной жизни
Вся протекла в трудах и в жертвах добрых дел;
Он жил для счастья земной своей отчизны, —
И рано в лучшую отчизну отлетел.

В «Некрологии» Нечаев счел нужным более подробно и, заметим, более определенно написать о редкостных по тем крепостным временам чертах характера и воззрений своего друга: «...Состояние его дозволяло пользоваться в оном некоторыми выгодами, иметь более приятностей, но он тщательно избегал всякой роскоши, боялся выйти из скромного круга необходимости, чтоб не пала лишняя тягость на крестьян его, которых благосостояние было для него дороже всех удовольствий (выделено мною. — В.О.)». Очевидная похвала — вслух, публично, в журнале — смелым поступкам и смелым убеждениям — антикрепостническим.

Кому столь проникновенно посвящает два траурных произведения С. Д. Нечаев? Павлу Дмитриевичу Черевину, имя которого стало известным благодаря стараниям С. Л. Мухиной. Вот несколько извлечений из необычной биографии Черевина, позаимствованных из ее статьи «Безвестные декабристы...»

Черевин — воспитанник Московского университета. Самые первые изыскания в науках сулили ему блестящее будущее. Но устоял, ибо

готовил себя к иной цели. Избрал офицерскую стезю, став поручиком Семеновского гвардейского полка. Здесь высочайше облагодетельствован: становится свитским при императоре офицером. Успех в свете, карьера! И вновь устоял, не соблазнился... Разворачивает свои устремления иначе: вступает в Союз Благоденствия. Происходит это в Москве. Отметим, что на политическом поприще этот 22-летний гвардеец идет дальше, чем приятель Нечаев,— становится членом Северного Союза!

Черевина многие успели узнать и полюбить. Для примера, Иван Пущин, столь разборчивый на выбор друзей. Кюхельбекер тоже, хотя и заочно, о чем свидетельствует его дневниковая запись. Любопытно, что Кюхельбекер воссоединил в этой записи имя Черевина с именами Нечаева и Пущина: «Покойный Черевин был человек истинно достойный, у нас были общие знакомые и приятели (Нечаев, Пущин и другие); однако же мне не удалось с ним лично познакомиться. Напечатанная уже по смерти Черевина его статья «О преподавании истории детям» заслуживает, чтоб ее перевели и на иностранные языки: она у нас редкое явление; тут русский мыслящий писатель говорит истинное и притом новое, новое не для одних русских».

Павел Дмитриевич Черевин умер 27 мая 1824 года в Москве и погребен в Донском монастыре.

Черевин — даже умерший — все-таки определен царем в «Алфавит декабристов». Что послужило основанием для записи в «Алфавит»? Как теперь нетрудно догадаться, следующая внесенная следователем строчка — «Принадлежал к числу Союза Благоденствия и Северного тайного общества».

...Наступал 1825 год — особый год в отечественной истории. Все теперь шло — стремительнейше! — к взрыву. Декабристские издания стали запалами. Герцен это отметил в «Былом и думах»: «Литературная пропаганда велась очень деятельно. Душой ее был знаменитый Рылеев; он и его друзья придали русской литературе энергию и воодушевление...»

Нечаев по-прежнему в числе друзей Рылеева. И в третий выпуск «Полярной звезды» попали новые стихи Нечаева. Этот выпуск знаменит. Декабристы все более сплывают и укрепляют ряды. К борьбе — откровенно! — зовет рылеевская «Исповедь Наливайко»:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа,—
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Что печатает в альманахе Нечаев? Опять кавказская тема — стихотворение «Воспоминания». В нем такая вот строфа:

Предчувством тайным возмущен,
Певец тоску свою с слезами
На струны тихо изливал,—
И скорбь он пробудил в униженном народе,
И мнилось мне, он возглашал
Надгробный гимн своей свободе...

Нетрудно догадаться, почему заприметилось это место. Припомним еще из школьных лет, что кавказская тема дикой, но заманчиво завидной для вольного русского сердца вольной жизни горцев постоянна для всех истинно свободолюбивых поэтов России первой половины того поначалу аракчеевского, а затем и николаевского века. Достаточно назвать Пушкина и Лермонтова. Это «Кавказ» 1829 года с оставшимися в черновике строками «Там буйную вольность законы теснят...» Это «Прощай, немытая Россия...» 1841 года со знаменитым продолжением во 2-й строфе по одному из вариантов «Быть может, за хребтом Кавказа Сокроюсь от твоих царей...»

Можно утверждать, что Нечаев стал опробовать крамольные струны этой вольнолюбивой темы раньше своих великих современников.

Этот — последний — выпуск «Полярной звезды» не только напечатал стихи Нечаева. Он и другим связан с Нечаевым. Бестужев решил почтить московского поэта — вторично! — своим вниманием. В очередном литературном обзоре под названием «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» пишет: «Присоединив к сему (к предшествующему перечню имен.— В.О.) несколько приятных безделок в журналах, разбросанных Н. Языковым, И. Козловым, Писаревым, **Нечаевым**... (многоточие Бестужева,— В.О.), я подвел уже весь итог нашей поэзии (выделено мною.— В.О.)».

Без имени Нечаева, пусть даже и с безделками, полной, всеобщей картины состояния российской поэзии, по мысли декабристского критика, не получалось... Но добавим для объективности, что не все считали поэзию Нечаева лишь только безделками. Александр Тургенев весною как раз этого года тоже заметил стихи нашего героя, пишет Вяземскому, что они — «полны мыслей и чувств».

ЗАГАДКА «К Я-у»

Журнал «Московский телеграф», затеянный в 1825 году Полевым, стал новым литературным пристанищем для Степана Нечаева. Как не сказать, что сам Пушкин сразу уловил значимость нового издания, расценив высоко — «одним из лучших наших журналов». Полевой хорошо известен декабристам — входил с Дельвигом в продекабрист-

скую группировку Вольного общества любителей российской словесности. Правда, в 1823 году отошел от общества, но продолжал слыть — и по справедливости! — человеком передовых для своего времени взглядов.

Печататься, таким образом, у него было весьма лестно, хотя, как дальше узнаем, очень небезопасно. Это потому, что у журнала скверная — политически — репутация*.

Нечаев отдает Полевому еще одно свое «кавказское» стихотворение. С загадкой оно. В журнале, в одиннадцатом номере, где оно помещено, название его читается так — «К Я-у».

Но, может быть, в самих стихах есть отгадка? Прочтем их:

Кавказских рыцарей краса,
Пустыни просвещенный житель!
Ты не одним врагам гроза, —
Судьбы самой ты победитель.

Как богатырскую пятой,
Вражду черкеса попираешь,
Так неприступною душой
Тоску изгнания презираешь.

Герой-мудрец! Ты искупил
Двойной ценой венец героя:
В бедах покой свой сохранил,
И щит был общего покоя.

Нет в тексте никакого видимого ответа. И все же исследователи установили личность того, кому посвящены стихи.

Александр Иванович Якубович. Нечаеву надо было обладать мужеством, чтобы так воспеть этого человека. Еще до того как все узнали — одни с негодованием, другие с благовоительным почтением — о том, что Якубович участник декабристского восстания, его имя постоянно на устах. Кто о нем только одно — «типичный бретер». Кто — с полным уважением. Денис Давыдов, к примеру, называет его «богатырем-философом». Бестужев знает о частых на Якубовича нападках и, заступаясь, пишет Рылееву: «Главная моя утеха — Якубович. Ты его полюбишь, его напрасно много бранят».

Полевой дорожил сотрудничеством с Нечаевым. В первом номере за 1825-й год помещает «Обозрение Русской Литературы в 1824 году». В нем — во вступительном перечислении — с похвалой — имя Нечаева: «Все известные наши поэты кн. Вяземский, Баратынский, Ф. Н. Глинка, Мансуров, Рылеев, Плетнев, Кюхельбекер, Олин, Нечаев, Воейков, Дельвиг, А. Е. Измайлов...» В почетном перечне имя нашего героя. Когда читал Обозрение, заметил, что здесь же

* Возмездие пришло в 1834 году. Николай прикрыл журнал.

восторженно пишется о Пушкине и очень высоко оценивается новаторство «Горя от ума». Поддержан и декабристский журнал «Соревнователь Благотворения и Просвещения». Это к тому, чтобы показать, какой в целом представлял Полевой современную себе литературу. Без Нечаева, как видим, не обходилось.

...1825 год подходил к концу. «Полярной звезде» было предуготовано прекращение выпуска. Причина одна: Северное общество не оставляло для соредкторов ни времени, ни сил на заботы о любимом детище. В марте задуман последний, прощальный выпуск. «Звездочкой» решено было назвать его. В начале декабря — того самого декабристского декабря! — альманах был сдан в типографию. К 14 декабря отпечатано 80 страниц...

Случись ему выйти, читатель увидел бы в нем имя Нечаева под стихотворениями «К сестре» и «К Лиодору».

Читаю первое. Признаюсь, что второй раз перечитывать не хочется. Ничего вроде бы особенного. Так думал, читая по первопутку.

И по строкам «К Лиодору» глаз тоже совсем легко скользит — не за что зацепиться. Казалось бы, что нового в идее нравоучительного обращения к юноше, который в тщете суетных поисков некоего блаженства попал в безысходное положение — в лабиринт (дедал — так именуется Нечаевым это мифологическое сооружение по имени легендарного Дедала, исходя из фразеологии тех лет)?!

Кто ринулся в дедал прменчивых желаний
И совести отверг спасительную нить,—
Брегись, чудовище неистовых алканий
Его готово поглотить...
Из темной бездны нет исхода!
Прости, прости навек надежда и свобода!

Догадываюсь, что ключ к главной идее нечаевского замысла в последней строчке. Назидание отвергнуть суетность обыденных желаний ради достижения главного — свободы — все это вполне в духе заповедей Союза Благоденствия. В одной из статей его Законоположения так и говорилось: «...не тщеславие или иное какое побуждение, но стремление к общему благоденствию им (Союзом.— В. О.) руководствует».

Как же непросто, выходит, Нечаев даже тогда, когда упрямывает — тщательно — свои декабристские назидания и наставления, свои передовые воззрения в древнегреческие иносказания.

С кем соседствует Нечаев в прощальных трудах печатных Рылеева и Бестужева? С Пушкиным (отрывок из «Евгения Онегина»), с Бестужевым (рассказ с названием «Кровь за кровь», что наполнен, как считают исследователи, негодующе-пристрастным отношением к самовластию), со стихами И. Козлова, Н. Языкова, П. Вяземского, Е. Баратынского, Д. Ознобишина, В. Пушкина...

«Звездочка» повторила судьбу своих издателей — была сослана, как Бестужев, и казнена, как Рылеев. Сперва отпечатанные листы опечатали в тюки и свалили на долгие десятилетия в кладовые Главного дворцового штаба. Затем, в 1861 году, все сожгли. На год пережил альманах одного из своих авторов — Нечаева. Остались для истории — чудом — два неполных экземпляра.

Добрая роль Нечаева в служении музам декабризма очевидна.

ОТ ДЕКАБРЯ К ИЮЛЮ...

Год 1825-й. Как воспринимал наш герой все то, что происходило в жизни страны и мира? Многообразным и сложным должен бы представлять тот год Нечаеву. Многое он мог бы узнать... Восстают солдаты на Украине. Проходит съезд декабристского «Общества объединенных славян». Вышли в свет «Думы» и «Войнаровский» Рылеева — они изданы здесь, в Москве. Вспомним, что Нечаев имел к выходу поэмы «Войнаровский» некоторое отношение. Учреждается секретный комитет по делам о раскольниках. Не пропустим этого факта в преддверии следующей главы. В Петербурге конференция европейских держав — обсуждается греческий вопрос. Нечаев, не позабудем, писал о восставших греках. В Италии судят за принадлежность к обществу карбонариев. В Америке Оуэн — в тщете утопических мечтаний — основывает коммунистическую колонию. Не под влиянием ли этого утописта пишется Нечаевым утопическая фантазия в стихах?..

Год подходит к концу. Еще, однако, никто и знать не знал, какой великой славой и какими обильными страданиями войдет декабрь в историю. Буднично, казалось, шел год к концу. В обыкновенных, видеть, чаще всего заботах проистекал очередной — 33-й по счету от рождения — год для Нечаева. Литература, правда, выделяет и будоражит. Полевой заседает — просит отныне, после прекращения «Полярной звезды», все написанное отдавать только ему.

Писалось мало. Потому, как догадываюсь, отдаст и публикует неоконченное — «Отрывки из Путевых Записок о Юго-Восточной России». Записки о Кавказе. На этот раз в прозе. Нечаев рассказывает в них — в немалых подробностях — об образе жизни, быте, утвари, одежде, оружии народов Северного Кавказа и прилегающих степей. Даже сегодня познавать все эти этнографические различия интересно. Вчитавшись, замечаю, что кое-где Нечаев отступает от самим же предложенного стиля некоей как бы научной отстраненности от общественной злобы дня. И тогда ткань сугубо этнографической описательности подпаливается огоньком публицистичности — упоминаниями о войне, к примеру.

Наступила зима. Улегся снег, по-московски сладостно похрустывающий под башмаками и валеными сапогами и, к радости ездоков, повизгивающий под полозом. Для одних пришла — ах, как еще долгожданная пора балов — московских! — и обильных — по-московски! — обедов и ужинов. Для других — ох, ох, неодолимые по всей долгой зиме тревоги о хлебе насущном, о рубищах, о лишней вязанке дров для домашнего очага.

Для обывателей, не посвященных в тайные намерения декабристских обществ, барская Москва жила прежними, ничуть год от года не меняющимися радостями и заботами. Свет взволнован тем, что женские шляпки увеличили поля до невероятности. В таком уборе с распущенными лентами прелестную московятанку принимали за парижанку. Истые патриоты и патриотки — не более, правда, чем в нарядах — ратовали против коротких корсетов. Они считались совершеннейше неприличными для настоящих россиянок. У мужчин вошли в моду фиолетовые фраки с бархатным воротником и с жилетами из совсем белого пике либо с золотыми цветочками. Еще событие — Благородное собрание провело концерт и собрало 25 тысяч рублей для вспоможения пострадавшим в Петербурге от наводнения. Еще события. Некто, по имени Сент-Ожер, заезжий из Франции профессор, читает лекции о Вергилии, Вольтере и прочих. Однако скудоумием своим лекция москвичам вовсе не понравилась. Прибыл на гастроли Итальянский театр с операми Россини, к превеликой отраде его ревностных в России почитателей.

Особое грянуло 19 ноября — умер Александр I. Чья участь взойти на престол?..

Пожалуй, что никто не придал никакого особого смысла, что Иван Пущин, спешно, едва ли не стремглав, умчался через 4 дня в Петербург. Нечаев, друг его, тоже ни о чем не догадывался. Не до этого было. В тревогах, в смятении чувств, в нахлынувших заботах рассчитывать, кому венец сужден, — этим были переполнены заботы.

12 декабря от Пущина пришло письмо — единомышленнику С. М. Семенову о замысле выступления Северного общества...

До грохота картечи на Сенатской площади оставалось два дня.

Но не станем забегать вперед. Вернемся к жизнеописанию Нечаева. Помимо всяких разных забот проистекали у него в эти недели и дни заботы приятные — литературные. Нечаев, вспомним, отдает Полевою свои путевые записки о Кавказе и войне на Кавказе. Полевой включает их в очередной номер. Рабочие-типографчики склоняются при тусклом зимнем свете над верстаками. И журнал выходит, но выходит и попадает к читателям уже в 1826-м — после Сенатской площади, после сыска и арестов, при новом царе...

Догадываюсь, что все теперь прочитанное представало совсем в ином свете. Вот идеи народного образования, да тем более для

воюющих против России инородцев?.. Крамола, крамола! Чтобы достоверно усвоить это, прочтем заметки знаменитого русского историка С. М. Соловьева об отношении нового царя к книге и учебе: «Просвещение перестало быть заслугой, стало преступлением в глазах правительства».

Так или иначе дозволенное вчера сегодня, после восстания, становится запретным.

Вот в таких взаимосвязях читаю первый после декабря 1825-й номер «Московского телеграфа». И вдруг наталкиваюсь на стихотворение «К сестре». Престранная находка. Этой находки в этом журнале никак быть не должно. Это стихотворение вместе со стихотворением «К Лиодору», вспомним, отдавалось «Звездочке». В чем же дело? Понимаю так: альманах Рылеева и Бестужева по уже известным причинам свет не увидел, и тогда Нечаев передает неопубликованное Полевому. «К Лиодору» с его строками о прощании с надеждой и свободой после разгрома восстания возвращаться, конечно же, никак нельзя. А политически невинные, как уже писал, стихи «К сестре» Полевым напечатаны. Впрочем, так ли уж теперь, после пальбы на Сенатской площади, невинны? Вот одна из строф:

Там ждал от мертвых я ответа,
Уроки ждал в науке жить,
И тайны скорбные для друга и поэта
Искал бессмертье разрешить.

Сотрудничество с «Московским телеграфом» требует мужества.

Учреждается печально известное III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Голубоглазый бабник Бенкендорф служит царю с поражающим обществом рвением и воодушевлением. Надзор и слежка — истинно всепроникающи. Это ничуть не преувеличение. Листаю архивные папки московского округа корпуса жандармов... Так и кажется, что буквально каждый шаг, каждое движение, каждый, быть может, даже просто помысел замечены и запечатлены — как бы по методе скрытой съемки — в доносах, доносах, доносах. Воистину несть им числа в архиве! Будто именно об этих днях — предчувствуя — еще в 1824-м безбоязненно написал давний знакомец по университету Грибоедов: «Здесь озираются во мраке подлещи, Чтоб слово подстеречь и погубить доносом».

«Московский телеграф» и его редактор — не исключение. Доносы на него отправляются в Петербург Бенкендорфу за подписью самого начальника московских жандармов генерала Волкова.

В одном из них после обильных фактов грозный вывод: «Все сие показывает, что Полевой, кн. Вяземский и многие другие стараются поколебать спокойствие...»

Можно ли примерить это пространное, как арестантский халат, жандармово выражение «и многие другие» к Нечаеву?..

...Поздно встало 14 декабря северное зимнее солнце — в 9 часов 4 минуты. И рано — почти что в полдень — в 14 часов 58 минут покинуло город и ушло за горизонт. Дрогнуло ли сердце в каком-то, возможно, вещем предчувствии у Нечаева в этот день — ведь сколько друзей и приятелей вышли на площадь. Впрочем, будем точны — о восстании Нечаев не мог узнать 14 декабря. Лишь третьего дня примчали лихие государевы кони в белокаменную генерал-адъютанта Комаровского, который и поднял Москву: войска с гвардией во главе, чиновный люд, полицию — на присягу новому царю, бесчувственно и жестокосердечно расстрелявшему декабристскую мечту и надежду. В парадном — так приказано — мундире шел на присягу, как предполагаю, и надворный советник С. Д. Нечаев.

Потом с шемпящим сердцем ждал, как поступят со схваченными... Весть о том, кто был схвачен, была узнана вскоре. Рылеев, Бестужев, Кюхельбекер... Друзья, соратники, во многом единомышленники...

13 июля следующего года — казнь. Чиновная Москва победу Николая над декабристами праздновала — по его приказу и в личном присутствии — в Кремле, через неделю после эшафота. Очистительное молебствие митрополита Филарета выслушивали на коленях. Нечаеву, вероятно, тоже пришлось. Трудно ему было подчиниться — нога, вспомним, не сгибалась. Запах ладана сильно отдавал теплой кровью...

IV. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В КЫШТЫМ

**Исследование по сему предмету
должно быть производимо
без малейшей огласки.**

*Из письменного задания С. Д. Нечаеву
от флигель-адъютанта
полковника графа Строганова.*

Итак, после карточных залпов на стыло-зимней Сенатской площади и всеохватных арестов, после казни и приговоров к каторге, к ссылкам и к солдатчине уничтожение всего того, что хотя бы как-то считалось связанным с декабризмом, казалось для всех очевидным.

Все, что могло представлять вредным для трона, подозревалось, запрещалось, искоренялось, уничтожалось...

Одни сию политику приветствовали. Другие относились к ней безропотно-равнодушно или принимали ее испуганными. Третьи противодействовали.

ПАКЕТ ОТ ГЕНЕРАЛА ДИБИЧА

Что же Нечаев в эти дни, недели и месяцы — чем была переполнена душа, что чувствовал и что переживал?.. Он, как знаем, уже прошел через прощание с Союзом Благоденствия. Прошел и через прощание с «Полярной звездой» и «Мнемозиной». Теперь новые прощания — со множеством друзей и приятелей: одному из них — после виселицы в бесследную могилу, другим — в безвестие Сибири и солдатчину...

Минует ли кара его самого? Очень все дурно поначалу сходилась для Нечаева. Широкие сети сыска и дознаний по-паучьи липучи и ухватисты. В Москве, к примеру, идет опрос — поголовный для всех чиновников с кокардами министерства просвещения. Интересует одно — принадлежность к тайным обществам. Один, коллежский ассессор Альбицкий Д. И., не удержался, как уже рассказал и выдал Нечаева.

Плохи дела... И не есть ли предвестье совсем близкой опалы (хорошо бы только опалы!), то, что внезапно убирают из губернаторовой канцелярии? Новая должность не столь престижна.

Только милостивой оказалась судьба. Нечаеву в сентябре даже орден пожалован — Владимира 4-й степени, о чем сказано в том же «Послужном списке»: «За усердное исполнение разных поручений Московского Военного Генерал-Губернатора». Какие и когда поручения — до декабря, после декабря?..

Как же дальше? Удивительно: 27 сентября из Петербурга приходит пакет. От начальника Главного дворцового штаба генерала Дибича. В нем приказ Нечаеву: «По Высочайшему повелению непременно должен быть отправлен по назначению...»

Нет, это не ссылка. Наоборот, спасение! Нечаеву предстоял путь из Москвы — далеко, на Урал, где (как не надеяться!) не достать его бдительному осведомителю-добровольцу. Их много при поощрении сверху развелось. Не минуло и месяца, как застучали копыта, колыхнулись рессоры и повезли Нечаева к тому самому обозначенному свыше назначению. В препровождающем документе ясно обозначено куда, но туманно — зачем: «Во исполнение Высочайшего повеления, изъясненного в отношении ко мне г. начальника Главного Штаба Его Императорского Величества, ваше высокоблагородие назначены в помощь к флигель-адъютанту полковнику графу Строганову для приведения порученного ему исследования; вследствие чего, препровождая при сем для вручения графу Строганову два пакета за № 132 и 1252, предписываю вам немедленно отправиться вместе с проживающим здесь башкирцем Аютом Мугатмасовым сыном Дяушевым в город Пермь по нахождению там ныне флигель-адъютанта графа Строганова».

Надолго Нечаев уезжал...

Не покидает вопрос — как могло выйти, что осталось безнаказанным и точно установленное жандармами пребывание Нечаева в Союзе Благоденствия, и всем известные смелые стихи в декабристских изданиях, и нескрываемая ни от кого дружба с многими видными декабристами?.. Ведь даже Пушкин вызван на допрос к царю.

Ответ — полный — еще предстоит разыскать. Но если кратко о том, что можно предполагать, то вот как об этом пишет С. Л. Мухина: «Д. В. Голицын стремился показать царю, что во вверенном его попечению городе все тихо и спокойно, и с этой целью затушевывал некоторые факты деятельности декабристов...»

Мог бы, думаю, и Строганов — влиятельнейший — выказать великодушное заступничество и упросить определить Нечаева ему в помощники в дальней и сложной поездке на Урал. Не забудем, что он близок императору и в свойстве с губернатором Москвы.

Бенкендорф, однако, упрям и своего не упустит. Орден, покровители... Но в тысячах и тысячах своих всегосударственных жандармовых забот все-таки нашел место и время Нечаеву — самолично отдал приказание начать сыск. И не просто мимоходом, в общих списках, вроде как бы об охоте на мелкую птицу, дал такую личную команду при встрече с генералом Волковым, главным начальником жандармского корпуса в Москве.

От бдительного ока Волкова и в самом деле спасли только отъезд и долгая по времени отлучка. Эхо этому обнаружил в полученном Бенкендорфом донесении: «Я сколько ни старался разведать о С. Нечаеве, но ничего более узнать не смог, как только, что С. Нечаев в какой-то отдаленной губернии находился с флигель-адъютантом бароном Строгановым на следствии при особых поручениях; по окончании чего был здесь в Москве только проездом...»

Так ли было, что заступились вельможи, или из-за отъезда не стали преследовать, но осенью, в наилучшую для дальних путешествий пору (оно и правда — октябрь ни колеса, ни полоза не любит), стал Нечаев добираться до Перми, имея в дорожной сумке, что хранил поближе, для твердого сохрана крепко — два, напомним, пакета. В одном — инструкции, если выражаться сегодняшним языком, или Правила, как они в пакете поименованы. Мы познакомимся с ними далее, к месту. В другом пакете — в главном — следующее:

«Господину флигель-адъютанту полковнику и кавалеру графу Александру Строганову.

До Государя Императора дошли слухи, будто бы в Пермской губернии с некоторого времени, независимо от старообрядческого раскола, возникли значительно многие другие и что в сем служит главным действующим лицом екатеринбургский купец Резанов.

По случаю вашего в оной губернии пребывания Его Императорское Величество поручает вашему сиятельству войти в разведывание

истины сих слухов, и буде бы оные оказались не без основания, то приступить к секретному изысканию причины и цели сих расколов. Прилагаемая у сего правила послужат вам руководством в сем исследовании, а в пособие вам командирруется советник Нечаев.

Я не буду распространяться здесь о мерах осторожности, предусмотрительности, кои должны сопровождать все ваши действия по сему поручению; собственное ваше благоразумие будет наилучшим вашим в сем случае руководителем.

По мере успехов ваших в открытиях не оставите доносить мне для доклада Его Величеству.

Начальник Главного Штаба Дибич».

Можно понять царя — после 14 декабря даже религиозной смуты предостаточно, чтобы начинать преследовать и пресекать... Но царь, как выясняется, боялся не только самого по себе раскола.

Это, впрочем, не скрывалось — тем более от Нечаева и Строганова. В Правилах они прочитывают, например, такое себе задание: «Стараться достать богослужебные и политические книги (выделено мною.— В. О.)».

Еще предписания такого же — сугубо троноохранительного — толка. Нашел их в инструкции, которую царевы посланцы сами для себя сочинили на основе указаний Дибича. В этих самозаданиях они вполне справедливо положили несколькими пунктами искать именно в политике подоплеку раскольничьим смутам: «...в пятых, в каком подлинно отношении **находятся оныя к правительству и вообще к гражданскому благочинию**; в шестых, ежели окажутся в понятиях последователей какого-либо раскола такие, которые не только разнствуют с главными догматами христианской религии, но несогласны и с общими обязанностями верноподданных, то следует точнее осведомиться, остается ли сие учение одним отвлеченным умозрением превратно понимаемого благочестия, или действительно **клонится к разрушению общественного порядка, должной подчиненности и проч.**». Еще пункт — «Стараться узнать главных лжеучителей, их происхождение и настоящее отношение к **гражданскому порядку** (везде выделено мною.— В. О.)».

И не напрасно воссоединены в опасность для империи и раскол и политика.

Нашел этому подтверждение у современников. Герцен в «Былом и думах» писал так: «...Участились убийства помещиков, крестьянские бунты. Огромное раскольничье население ропщет; эксплуатируемое и угнетаемое духовенством и полицией, оно весьма далеко от того, чтобы сплотиться, но порой в этих мертвых, недоступных для нас морях слышится смутный гул, предвещающий ужасные бури».

Строганов и Нечаев ехали, чтобы узнать на этот счет многое... Не затихает Урал от волнений и бунтов. Историки подсчитали — всего-то за пять лет, с 1820 года их прошло 17. Случился даже такой бунт —

это когда на Кыштымских заводах «похерили чиновников, избрали себе начальника, учредили свое правление... начали привлекать к себе в единомыслие, обольщая вольностью, готовиться к отражению воинской силы и таким образом уклонились к явному возмущению и бунту».

ДОНОС

Осень — несносные погоды: часто ненастья — холодные дожди, а на Урале и мокрый снег. Грязь, распутица, стылые переправы через предзимние реки. Нога мозжит. Усталому от долгой дороги взгляду не до живописных окрест лежащих мест.

Две долгие недели добирался посланец царя и Дибича до Перми.

Добрался, а их сиятельства графа Строганова нет. У губернатора было заявлено, что граф в Екатеринбурге. Опять дорога. Но Строганов шустер был — не обнаружился и здесь. Начальствующего для себя флигель-адъютанта Нечаев нашел только через неделю в небольшом по тем временам городке Кыштыме, где и находился указанный Дибичем завод купца Резанова.

Непривычно для местного начальства повели себя царевы посланцы в роли проверяющих. Побывали в столице горного округа — в Екатеринбурге, побывали в столице бунта — Кыштыме, но этого показалось мало. Решено, что Нечаев — лично — ознакомится с положением рабочих по всем главным в губернии заводам. Строганов при этом предписывал:

«1. Исследование по сему предмету должно быть производимо без малейшей огласки.

2. Для сего... объедет все заводы и селения Екатеринбургского и других смежных уездов, где только можно будет предполагать возрастание какого-либо раскола, под видом осмотра замечательных мест и заводских учреждений из одного любопытства и для собрания разных статистических сведений».

Три зимних месяца путешествовал Нечаев. В отчете — по возвращении — пишет Строганову: «Проехал в разных направлениях до 3500 верст... сколько позволяли краткость времени, состояние осеннего и зимняго пути в здешнем климате и нужная осторожность в сокрытии единственного предмета моих разъездов, я, не щадя ни сил, ни стараний своих, по возможности исполнил сделанное мне поручение».

Встречи, встречи, встречи — чиновники всяких чинов, рабочие и их горнозаводские начальники разных рангов, купцы, священники, раскольники... Обзавелся доверенными людьми. Некоторые из них пишут ему много и подробно. В их числе крепостной Демидовых писарь Феоктист Улегов (переписка заняла в их жизни много лет), купец Федор Клюквин, поп Оглоблин, мастеровой В. Гилев...

Догадываюсь, что Нечаев легко сходится с простым людом. Улегов как-то пишет ему: «Сколько мне приятно и усладительно было разделять с вами краткие часы нашего свидания... Я сильно скучал, когда не заставал вас...»

Но вернемся к отчету перед Строгановым. Сразу же очевидна странность: в нем не нашлось места для сведений о политических настроениях. Речь шла только о религиозных настроениях, о расколе. А ведь отчет притязает на всеобщность! Во всяком случае, Нечаев пишет Строганову следующее: «Я составил и при сем представляю вам, милостивый государь, полную записку о всех моих наблюдениях...»

Но о всех ли наблюдениях написал?..

Листаю дневник. И обнаруживаю в нем недомолвные тайны. В попытках жизнеописания Нечаева то и дело «завалы» неожиданностей.

...Скрыл то, что встретился в Екатеринбурге с сопровождаемым в Сибирь — в солдаты — декабристом Михаилом Пушиным. Он приговорен по X разряду. Он лишен чинов и дворянства. Он брат отныне после восстания опаснейшего «злодея» — Ивана Пущина...

Нечаев дружил с ними. С Иваном, вспомним, состоял даже в Союзе Благоденствия.

Немногие отваживались в те месяцы на общение с заговорщиками. Один из них — Пушкин. Это тогда, когда на какой-то почтовой станции бросился к конвоируемому жандармами Кюхельбекеру...

О встрече с Нечаевым написал сам Пущин. Эти его записки обнародовались лишь в 1908 году, где он вспоминал о том, что в Екатеринбурге одна из светских дам устраивала в его честь «маскарады, танцы, обеды и утрины»¹, где и произошла встреча с Нечаевым: «...приглашала для меня и более приятных из мужского общества — сенатора Нечаева, его секретаря Завьялова, бывших в Екатеринбурге на ревизии».

Пущин допускает ошибку: сенатором Нечаев стал много позже. Но не эта ошибка значима. Жаль того, что остается совершенно неузнанным, о чем говорили два декабриста. Прошлое, теперь высочайше запрещенное, звучало ли оно, маскируемое звуками вальсов и мазурок и беззаботным на маскарадах смехом?..

Из записок выясняется, что встречались они не только у светской, но отважной дамы: «С Нечаевым ездил я на Верхисетские заводы Яковлева...» Трудно даже представить, как осмелились!

Еще пропуск в дневнике.

Скрыл Нечаев то, что за ним, чиновником особых поручений при царском флигель-адъютанте с тайными полномочиями, тщательнее

¹ Отдадим должное смелости неведомой нам жительницы Екатеринбурга, которая 10 дней занималась ссыльным декабристом.

свели. Догадываюсь, что вовсе не то опасно, что о Нечаеве сообщают губернатору — ездит-де инкогнито, устраивает-де таинственные встречи. Это, собственно, вменялось в обязанности по инструкции. Потому-то Строганов, да и сам Нечаев, видать, лишь со смехом восприняли, что в одном из доносов в Нечаеве опознали великого князя Михаила — мол, путешествует тайно.

В нем сообщалось, что Нечаев не доложил начальству донос одного ирбитского мещанина о заговоре против правительства.

Состояние Нечаева после такого доноса нетрудно представить. По сути дела бежал от догляда в Москве, чтобы попасться на крючок подозрений здесь, на Урале, где сам выступал в полномочной роли дознатчика... Как говорится, от грома да под молнию.

Надо спасать себя. Пишет губернатору: «Нигде ни малейших сведений не получил о злоумышленниках и никаких признаков не заметил».

Закончил объяснение так: «В противном случае я не замедлил бы предостеречь местное начальство и довести все достойное внимания до сведения высшего правительства».

Полукавил Нечаев во свое спасение. И пошел на утайку. Ни губернатору в объяснениях, ни Строганову в отчете не поведал — благоразумно — о множестве этих самих «противных случаев».

«ПРОТИВНЫЕ СЛУЧАИ»

«Противные» эти самые случаи или, проще говоря, факты политических недовольств наличествуют в дневнике Нечаева и в сохранный им переписке.

Но почему в официальных документах, в отчете Строганову и в объяснениях губернатору этой темы как не бывало, в бумагах же, что не для посторонних глаз, пространно и часто?

Так выясняется еще одна загадка в жизни нашего героя. Вот уж поистине две ипостаси этого человека. Одна — для государства, для начальства. Другая — с тайными целями. Нечаев скрыл не только то, о чем рассказано в предыдущей главе. Многие в настроениях уральских рабочих «противные случаи» скрыл...

Один из них, опасный для царя Николая, зафиксирован в дневнике Нечаева. «На Тагильских заводах, — записывал он, — между раскольниками долго ходила молва, что государь Александр Павлович не преставился, но живет скрытно, отращивает бороду, набирает особое войско и скоро прибудет на заводы для истребления никониан. Они почитали его скрытым последователем старой веры...»

После посещения Шарташского скита записал: «Не поминается Императорский Дом». После Нижнетагильского завода: «Не празднуют царских дней».

Еще «противный случай». Нечаев сохраняет в своем архиве —

никому не передает! — противуцаревы сведения из письма купца Клюквина. Клюквин сообщал: «Раскольники вообще все в царские дни, по табелю значащиеся, не отправляют молебствия и не молятся за государя и императорский дом... Первое, что императором не называют; второе, что благочестивейшим не называют; третье, что благоверным не называют же; четвертое, что за княгининых супругов не молятся; пятое, что князей и княгинь благоверными не называют; шестое, что Константина Павловича цесаревичем не называют; седьмое, что вел. кн. Михаилом не называют; восьмое, что и его Императорскаго Величества зовут — Никола, а не Николай».

Не надо думать, что все это лишь своеобразное проявление столкновений раскольников с официальной церковью. В немалой мере это отражение того, как относились в стране к новому самодержцу. Герцен хорошо выразился в «Былом и думах»: «В окружении посредственностей, солдат для парадов, балтийских немцев и диких консерваторов, упрямый, безжалостный, лишенный величия души, — такая же посредственность, как и те, кто его окружали».

Урал с его прочно угнездившимся расколом добавлял недовольства. Совсем скоро поползли смутьянские слухи, что новый царь в отличие от старого, умершего, люто ненавидит раскольников и сектантов. Видимо, не случайно появляется в дневнике Нечаева запись об отношении — вовсе не благоговейного — рабочих людей к Николаю. Они говорят Нечаеву: «Как бы не подпасть его гневу».

На Урале то и дело встречи с крамолой. В дневнике такая запись: «В Тагильском заводе находился иностранец, выписанный Демидовым Ник. Никит. из чужих краев для усовершенствования горного дела и обучения детей разным наукам по сей части. Его обвинили в рассеивании революционных правил и предали уголовному суду в Перми...»

Вот сколько «противных случаев»... Потому и полагаю, что не без оснований нашлись у губернских управителей поводы относиться к Нечаеву с усердным подозрением.

Письма стали вскрывать. Стали следить за теми, с кем водит знакомства. Один из них — уже упомянутый Улегов. Знакомство с Нечаевым принесло ему неприятности. Сообщает Нечаеву: «Присовокуплю о том последствии, которое случилось от посылки Вашего Высокоблагородия ко мне письма по почте. По надписи вашей руки и по печати экспедитор тотчас догадался, что это письмо от вас. ...А потому и подослали ко мне экспедитора узнать от меня, что было написано мне вами. И я от сего нахального шпиона с великим трудом мог отделаться».

Не напрасны подозрения. Нечаев собирает сведения о неблагоприятных для правительства настроениях. Улегов — высказывает их. В письмах крепостного писаря частенько упоминается о том, что везде и вокруг царит «общая масса зла», и гневные слова о горно-

заводских начальниках — «мучители рода человеческого», и даже проповедь «заботиться об истреблении жестокостей и мздоимства между лицами правительственными».

Но крамола не только в полученных письмах. В дневнике Нечаева немало и того, что называется оценкой политических причин недовольства уральских рабочих. 25 пунктов понадобилось Нечаеву, чтобы сформулировать и изложить причины раскола. Как не заметить, что пять из них подняты выше внутрицерковных распрей. И вот с какого пункта начал отсчет:

«1. Общее невежество, которое тем менее изменяется, что бедные люди не имеют средств учиться...» Далее: «8. Часто оказываемые от духовенства худые примеры в поведении, алчность и корысти». Резко и прямо о том, каковы подлинные причины смуты и бунтарства: «9. Совершенное равнодушие гражданского начальства. 10. Послабление со стороны некоторых чиновников за подлоги или из личного угождения».

В этот перечень и такое вписано: «23. Обольщающее чувство независимости...»

Вовсе не случайно эта последняя фраза. Нечаев подтверждает это свое наблюдение о политической строптивости рабочих примерами из истории — «В духовном смысле это настоящая вольница Великого Новгорода...» Дальше еще круче: «Мятежи при Петре Великом, непокорность запорожцев, непримиримая вражда задунайских некраковцев, бунт Пугачева показывают характер старообрядцев». И в большом и в малом держали свой характер уральские стратотерпцы. Видно, хорошо знал Нечаев о такой в среде непримиримых раскольников безбоязненно воинственной поговорке — «Режь наши головы, не тронь наши бороды».

Вывод: «Там угрожается правительству нарушением общей тишины... И действительно, если бы вдруг отнято было что-либо из присвоенных ими от послабления начальства, утвержденных давностью и обычаем вольностей, при всей видимой преданности старообрядцев к Государю, могли бы последовать более или менее опасные волнения».

Чувствую в этих строчках предупреждение — не отнимайте «вольностей».

И еще заметим — особо: в отчете Нечаева Строганову ни слова, ни даже намек на возможность, тем более на необходимость преследований и наказаний раскольников. Между тем законы тогдашней России до края суровы на этот счет. Батоги, ссылки, каторга — обычное явление. Утвердился в этом, когда заглянул во всякие и разные на сей счет указы, приказы и предписания. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в статье о Николае I говорится: «В сфере церковной системы опеки и регламентации приводила ко взгляду на раскол, как на вопиющее нарушение дисциплины».

...Нечаев выполнил — с присущей ему старательностью — наказ педанта Дибича из главного пакета — «изыскание причин и целей раскола». Он изыскал в их числе и сугубо политические и социальные причины и цели.

Да вот только все это упрятал — надежно и надолго (до смерти) в личный дневник и личный архив. Может статься, для того, чтобы не отягощать вину раскольников самыми страшными при Николае обвинениями — политическими.

«НЕГРЫ АФРИКАНСКИХ БЕРЕГОВ»

Когда Строганов и Нечаев наконец-то съехались, взялись писать отчет-записку на высочайшее имя. Так было велено. Название этого документа читателю уже известно — «О состоянии крестьян, принадлежащих к заводам наследниц купца Расторгуева».

Но странное дело — ее название никак не соответствует тому, ради чего собственно они посылались на Урал. Если в отчете Нечаева Строганову — только о расколе, то здесь, в Записке, напротив, ни слова о расколе и раскольниках, равно как о политической подоплеке раскола, если подразумевать антиправительственные и антицаревы настроения. И то приметно, что в Записке меньше всего о заводах Расторгуева. Все в ней и шире и глубже.

В поиске истины, отчего все это так, обращаюсь к оценке Записки учеными.

В 1930 году М. В. Нечкина, тогда еще не академик, а молодой ученый, разыскивает ее в архиве горного департамента. И передает в печать. При этом заметила: «Записка А. Г. Строганова — замечательный документ. Бесспорна ее сила, красочность, подчас художественность. Этот документ легко можно использовать для педагогической или агитационной работы — он ярок и убедителен даже для неподготовленного читателя». И тут же оценивает Записку политически: «Любопытно также то, что Строганов в этом документе подчас говорит языком либерального дворянства...»

Замечательный ученый не рассталась с темой. 30 лет спустя вновь охарактеризовала этот документ так: «Близкая взглядом декабристов докладная записка А. Г. Строганова». Как видим, оценка стала более определенной.

Прочтем эту Записку и мы. Нет никаких сомнений, что при ее составлении автором водила смелая рука. Здесь то и дело такие вот — непреклонные — выражения: «Самовластие», «Тиранство», «Несчастное положение заводских людей», «Ненасытное корыстолюбие», «Жалостное состояние сих угнетенных»...

Есть в ней и серьезная социальная критика: «Все, что может увеличить добывание золота и доходы, корыстолюбивым и безжалостным попечителем придумано, предпринято и исполнено; но нигде не

заметно следа отеческого и христианского почтения о благосостоянии людей, которых здесь можно сравнить по скудным платам за работы с каторжными, а по изнурениям — с неграми африканских берегов (выделено мною. — В. О.)».

Еще о положении работных людей: «Крестьяне сих заводов по причине малых плат, несоизмеренных с дороговизной хлеба, и по задержанию даже оных, терпели крайнее изнурение и голод, что сверх того некоторые прикащики поступали с ними жестоко и бесчеловечно».

Говорится и об условиях труда и быта: «Золотые промыслы были главным театром угнетения и жестокостей: более 2000 человек, обращающихся в сей работе без различия пола и возраста, пригоняются туда из деревень за 130 и 160 верст, где находятся в отдалении от семейств своих, одни по несколько месяцев, а другие в продолжение почти целого года без отпуска и в дома свои, и должны непрерывно работать в дневную и ночную смену по 12 часов сряду, не исключая даже воскресных и праздничных дней, питаться самую скудную пищей — одним хлебом — и жить в тесных казармах, а по большей части в землянках и балаганах в самое зимнее время».

Не обойдено положение малолеток. «Мальчики с 12-летнего возраста употребляются при золотых промыслах в работах, подвергаются взысканию и нередко жестокому наказанию за малейшее неисполнение урочной работы наравне со взрослыми работниками. Но более еще достойны сожаления употребляемые на сии работы девки с 14 до 15-летнего возраста...»

В записке, заметим, имеется раздел «О жестоких наказаниях». В нем приводятся такие жуткие подробности: «Двести и триста ударов до прибытия моего в сии заводы почиталось лишь принудительным средством к прилежной работе. Нередко наказанные таким образом не только не были в силах дотащиться до жилья своего, но не могли и подняться с места истязания».

С едкой саркастичностью отмечено: «Если со стороны управляющего нет ни внимания, ни сострадания к человечеству, то замечательна особенного рода заботливость в других вещах: острог всегда в исправности, а запас в розгах, палках и кандалах не уступит никакому каторжному заведению».*

Записка сообщает не только о тирани-заводчике. Ее сила в том, что приподымает разящее перо выше. Обличаются и те, кто покровительствовал заводчику и покрывал его: «Суждение Екатеринбургского уездного суда и Пермского горного правления обратилось не на худое и притеснительное Расторгуева управление, а на поступки и неповиновение заводских людей, которых и подвергли наказанию, а некоторых и ссылке в Сибирь».

* В 1845 году Николай «реорганизовал» систему телесных наказаний: отныне — никаких палок и розог — только треххвостая плеть.

Кратко, но с каким остроумно-смешливым приговором сказано о том, что как-то уездный суд все-таки признал виновным одного «прикащика»: «Какая неимоверная деятельность и неслыханное в Пермской губернии правосудие!».

Записка замахивается — с пристрастием — даже на чиновный Петербург: «Хотя высшим правительством нередко командированы были чиновники в горные заводы для личного обозрения оных и положения заводских людей, но сколько по кратковременному пребыванию их в заводах, столько и потому, что со стороны заводчиков и управляющих предварительно предпринимается в подобных случаях все меры предосторожности к сокрытию всего того, что бы вело к обнаружению настоящего положения заводских людей, чиновники и комиссии мало могли что-либо открыть в сем отношении...»

Обличения — едва ли не с гоголевской страстью — одно за другим: «Большая часть ревизоров, приступая к исполнению возложенных на них обязанностей, обращает все внимание свое или на качества напитков, хранящихся в запасе у каждого прикащика, или на наличность экстраординарной суммы и судят о состоянии крестьян и управлении заводов по числу откупоренных бутылок шампанского или запечатанных пучков ассигнаций, из коих отделяется им часть, сообразно с обстоятельствами оправдывает заводчика...» Тогда такая в ходу по-русски убойная и при этом складная поговорка была: «Что черно, что бело, вызолоти — все одно».

Есть в записке критика и в адрес столичных властей: «С 1817 по 1827 год Горный департамент или не нашел времени, или не хотел обратить решительного внимания своего для утверждения правил, долженствующих служить преградою».

...Представим себе, каково пришлось Николаю при прочтении Записки за подписью своего верного флигель-адъютанта. Немного времени прошло после казни декабристов. И вдруг Записка. Она не просто не отвечает заданию. Она начинена обличительными идеями, которые, ему казалось, давно уже искоренены и вместе с ее носителями казнены, закаторжанены, сосланы.

Писать правду и притязать на справедливость в самодержжном государстве не просто наивно, но тщетно.

Иные документы в ходу. Например, Манифест Николая 1826 года от мая о неизбежности крепостного права, в июле того же года решение о создании печально известного III Отделения, в августе — об установлении военных судов для дел о крестьянских восстаниях... В следующем 1827 году выносится приговор по делу революционного кружка Колесникова и Завалишина, утверждается запрет принимать крестьян в гимназии и университеты...

Но в 1827 году создано бессмертное «Во глубине сибирских руд...». Совесть вольнолюбивой России всегда была чиста!

КТО АВТОР ЗАПИСКИ?

Записка прочитана. Последняя строчка — подпись: «Флигель-адъютант полковник граф Строганов».

Пришел черед разгадывать еще одну загадку. Расскажу о версии С. Л. Мухиной. Она считает, что автор необычного послания императору — вопреки подписи — Нечаев.

Заманчиво поддержать это утверждение. Неужто и в самом деле все лавры — и обличителя власть имущих, и заступника за рабочих, да и за талантливое публицистическое перо — Строганову?

Но не так все просто. Легко отклоняет версию историка не кто иной, как... сам Строганов. Он самолично удостоверяет именно свое авторство. Каким образом? Тем, что писал: «Я не мог не вникнуть», «До отъезду моего», «Прежде, нежели приступлю» и в таком личном роде еще несколько раз.

Тем не менее не всегда верь написанному. Нашлись в пользу предположения С. Л. Мухиной вполне убедительные доказательства. И авторство Строганова оказалось под самым серьезным сомнением.

...Журнал «Братское слово» за 1893 год. Много номеров он отдал архиву нашего героя. Там увидели свет дневник и множество писем Нечаева и к Нечаеву. Публикация, отмечу, неплохо подготовлена — есть вступление, есть примечания. В числе тех, кто готовил архив к обнародованию, сын Нечаева. И редактор, и наследник, улавливаю, не ставили себе специальной целью устанавливать, кто автор записки. Однако даже посторонние к этой теме пояснения многое проясняют.

В одном из них говорится о месте и роли Нечаева в выполнении поручения царя и Дибича: «Нужно сказать о С. Д. Нечаеве, который с самого же начала становится главным деятелем в исполнении поручения, хотя и прислан был только в помощники графу Строганову.

Этот последний, имевший при том и другие поручения, как можно догадываться, сам предоставил ему здесь первенствующее значение, и тем охотнее, чем по своему светскому образованию и воспитанию был едва ли расположен и способен входить в ближайшие отношения с народом, а следовательно, и производить наблюдения... так же облекать эти наблюдения в литературную форму, хотя бы и официального характера,— он и говорил и писал больше по-французски».

Еще: «Для такого поручения как нельзя больше способен был С. Д. Нечаев, получивший основательное образование и в совершенстве владевший литературным русским языком».

Мнение С. Л. Мухиной подтверждается и таким свидетельством: «В архиве С. Д. Нечаева сохранилось довольно писем к нему гр. А. Г. Строганова, и все они писаны на французском языке. А что главную работу по исполнению Высочайшего поручения гр. Строганова представил С. Д. Нечаеву, это можно видеть из того, что все

исходящие от него бумаги официального характера, — донесения в Петербург, даже предписания самому С. Д. Нечаеву, не только писаны, но и переписаны этим последним, его четким и красивым почерком».

Так или иначе, единолично ли написан важный документ или совместно, в соавторстве, но решающее — именно такое — участие Нечаева в сборе материалов для записки и в написании ее очевидно. Отдадим должное Строганову тоже. Даже если он только поставил свою влиятельную подпись, все равно для этого требовалось по тем временам подлинное гражданское мужество.

Как отнесся император к записке? Как удалось выяснить М. В. Нечкиной, он передал ее Комитету министров. Тот, в свою очередь, предписал заводчикам не обострять отношений с рабочими и «относиться к ним по-христиански...» Николай утвердил это никого и ничему не обязывающее обращение кратким повелением — «Согласен».

V. ЭПИЛОГ: НЕМНОГО О ТОМ, ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

Лампадой ночной погасла жизнь моя,
Себя, как мертвого оплакиваю я...

*Из стихов П. Вяземского,
друга С. Нечаева.*

Итак, год 1827-й. Записка о положении рабочего люда Урала передана Дибичу, от него — далее, владельцу трона и короны, а на Нечаева — вот странно после такого продекабристского документа — поистине одна за другой посыпались сплошные приятности. Обо всем этом говорится в «Послужном списке» — «1827. Апреля 9. Высочайшим Именным Указом за Усердную службу произведен в Коллежские Советники». Затем — бриллиантовый перстень от вдовствующей императрицы. И еще спустя всего несколько лет — зачисление на службу в одно из значимых для тогдашней страны учреждений.

СХВАТКА С ГРЕЧЕМ

Это одна — чиновная — ипостась. А какова общественная? Помогают ответить четыре разысканных факта.

Первый факт. Нечаев все еще подозреваем. И вовсе не напрасно. В тот самый апрель, когда пожалован новым чином, начальник московских жандармов генерал-майор Волков занарядил отчетную депешу самому Бенкендорфу: «Милостивый государь! Александр Христофорович! В бытность мою в С.-Петербурге сделано мне от Вашего Превосходительства поручение собрать полные известия о бывшем в Тульской губернии Директоре училищ Степане Дмитриевиче Нечаеве, который по показанию Тульского Губернского Почтмейстера Бабаева открыл ему о Союзе Благоденствия...»

Второй факт. В 1828 году случился еще один донос: «...Издатель «Московского Телеграфа» Полевой сам приехал сюда хлопотать о позволении издавать с будущего 1828 года политическую газету «Компас». Полеваго покровительствуют все так называемые патриоты и даже Мордвинов. Все замеченные в якобинстве москвичи: Титов, Киреевский, Соболевский — сотрудники «Телеграфа». Покровители одного князь Вяземский и бывший профессор Давыдов самый отважный якобинец. Если свыше не взято будет мер, то якобинство приобретает величайшую силу для действия на умы. Дело о «Компасе» уже в ходу, и все русские так называемые патриоты торжествуют. Здесь ходатаем Полеваго некто Нечаев, принадлежащий к «Союзу Благоденствия», как то оказалось из добровольного сознания тульского почтмейстера. Нечаев вводил его (Полеваго) к Мордвинову... (Выделено мною.— В. О.).

Обратим внимание — это уже третий донос на Нечаева как на политически неблагонадежного человека.

Но и другие теперь можно узнать. Он был близок с друзьями декабристов — Вяземским, Давыдовым, Полевым, Мордвиновым, то есть с теми, с кем начинал сотрудничество в декабристских изданиях. Это значит, что они не очень-то испугались ни былых после Сенатской площади расправ, ни нынешних доносов и подозрений.

Полевой долго ходил в подозреваемых как раз за связь с декабристами. Имеется такое, для примера, правительственное указание 1834 года: «Государю императору благоугодно, дабы обращено было особое внимание почтового начальства на переписку Александра Бестужева с Полевым».

Но во имя исторической справедливости не станем преувеличивать политической значимости всех тех, кто угодил в донос. Нет никаких особенных улик против них в революционности. Герцен, рассказывая, кто в самом деле в те годы противодействовал Николаю, так не без лукавинки написал: «Ворчливое упорство нескольких стариков ничего не значит».

История была беременна новой силой.

В том году, когда Нечаев вновь попадает в донос, родился Чернышевский, Белинский уже гимназист.

Третий факт. Схватывается смело, многим рискуя, с Гречем. Нынче Греч осыпан высочайшими милостями и одновременно открыто презираем всей честно мыслящей публикой. Иначе нельзя. Он в открытую предал декабристские идеалы, в открытую отступил от всего передового, он — в открытую — отъявленный любимец царя и Бенкендорфа.

Зла сатира, сочиненная Нечаевым. «Без боязни обличаху» — так и об этом стихотворении можно по справедливости говорить. Прочтем его полностью.

Прошло уже двадцать лет, как Греч
Писать грамматику затеял:
Конец труду — и тяжесть с плеч!
Пусть жнет теперь, что прежде сеял.
 Лились чернила, лился пот,—
 Теперь вино польется в рот.

Явись, бокал! Ты нам *Союз*,
Склонение к любви и славе,
Глагол сердец, *причастье* Муз
Знак удивительный в забаве.
 Друзья! Кто хочет в счастье жить,
 Спрягай почаще *пить, любить*.

В отчаяньи наш Греч уж был:
Граматику чуть-чуть не съели.
Но Царь эгидой осенил,
И все педанты присмирели.
 И так, молитву сотворя,
 Во-первых, здравие Царя!

Теперь ура, друг Николай!
Ты нам — жандарм языкознанья.
Трудись, живи да поживай
Без всяких *знаков препинанья*.
 Друзья, воскликнем наконец:
 Ура, грамматики творец!

Не скрою, читал и восторгался Нечаевым. В остроумной пародии не только обличение верного царева прислужника Греча и его грамматических изысканий. Он воспользовался тем, что и Греч, и император — тезки. В результате — поднял ювеналов бич на августейшего, на самого! Тих, тих, казалось бы, Нечаев после 1825-го, да, выходит, по-прежнему лих. Как воспринял царь пасквиль на себя, узнать не удалось.

Зато удалось узнать, как принял эпиграмму Пушкин. Этому помог сохранившийся от какого-то соглядатая донос Бенкендорфу. Вот несколько извлечений из него.

«...Гостей было 62 человека: все Литераторы, Поэты, ученые и отличные любители Словесности.

...Под конец стола один из собеседников, взяв бокал в руки, пропел следующие забавные куплеты, относящиеся к положению Греча и его Грамматики.

...Трудно вообразить, какое веселие произвели сии куплеты. Но приятнее всего было то, что куплеты Государю повторены были

громогласно всеми гостями с восторгом и несколько раз.— Куплеты начали тотчас после стола списывать на многие руки. Пушкин был в восторге и беспрестанно напевал, прохаживаясь:

И так, молитву сотворя,
Во-первых, здравие царя!

Он списал эти куплеты и повез к Карамзиной. Нечаев послал их в Москву».

Так установлен еще один факт творческого общения Пушкина и Нечаева. Нет худа без добра — жандармово усердие позволило узнать о нем. Важен же он потому, что объединяет Пушкина и бывшего декабриста на идейной основе.

Только и в этом случае не обошлось без очередных недоразумений. Считалось, что сочинитель эпиграммы, если верить тому рукописному списку, что хранился дома у Греча, не С. Д. Нечаев, а поэт Измайлов Александр Ефимович.

Почтенный журнал «Русский архив» печатает сатиру в 1869 году под фамилией Измайлова.

Однако стихи все-таки обрели своего настоящего автора. Спустя почти четверть века все тот же «Русский архив» исправил ошибку — и под эпиграммой появилась фамилия Нечаева.

Так приключилось, видно, потому, что Нечаев сознательно скрывал свое авторство. Причину понять нетрудно: оберегал себя. В доносе,помним, ему отведена роль распространителя стихов, но не сочинителя.

Первым рассказал обо всем этом еще в 1922 году известный ученый-пушкинист Б. Л. Модзалевский в своей книжечке «Пушкин под тайным надзором». Предполагаю, что благодаря его изысканиям советский читатель вообще впервые узнал о Нечаеве. Было это всего на 5-й год новой, социалистической власти.

РАЗМИНУЛСЯ С ИСТОРИЕЙ...

Остра и озорна антицарева эпиграмма. Недаром удостоилась чести быть препровожденной к Бенкендорфу.

Только не будем ничего приукрашивать. Надо не забывать, что все приглуженнее в России эхо смелых порывов. Царь, правительство, жандармы, церковь, и иже с ними Булгарин, Греч и им подобные из всех сил старались вытравлять вольномыслие. Уговаривали и улещивали. Соблазняли и подкупали. Запугивали. Арестовывали. Отправляли на каторги... Устоять дано было самым стойким и самым убежденным.

Как сохранял Нечаев свои взгляды? На кого опирался, в ком искал поддержки? Не каждый, увы, горазд оправдать старое русское присловье «И один в поле воин». Редуют ряды былых единомышленников, кто мог бы своим бытием усуетить дрогнувших, подставить плечо слабеющим, поддержать. Гибнет Грибоедов — в 1829-м. Гибнет Пушкин — в 1837-м. Не стало Дельвига, Корниловича и Сомова. В год убийства Пушкина убит Бестужев. Через два года умирает Александр Одоевский... Скорбный для Нечаева список близких по взглядам и приятельству людей едва ли не бесконечен.

...Четвертый обещанный факт. 1840 год. Журнал неистового Виссариона Белинского «Отечественные записки» в беде. Постоянны нападки. Андрей Александрович Краевский, издатель, ищет помощи. Одно из его писем — к Нечаеву: «Зная всегдашнюю готовность вашего превосходительства содействовать достижению какой бы то ни было доброй цели, особливо если с этим достижением соединяется маломальская польза отечественного просвещения, принимаю смелость обратиться к вам с всепокорнейшею просьбою...»

Примечательно это обращение к сотоварищу Рылеева, Бестужева и Кюхельбекера по «Полярной звезде» и «Мнемозине». Выходит, что те, кого объединял Белинский, — новое революционное поколение! — не забыли о заслугах Нечаева на ниве декабристской печати. Письмо заканчивалось так: «Я уверен, что рекомендация с вашей стороны и предложение подписаться на Отечественные записки лицам, которые имеют к тому возможность, будет одним из величайших пособий к продолжению существования журнала, от которого, позвольте мне быть откровенным, можно ожидать пользы для науки и литературы Русской».

Ответил ли Нечаев? К великому сожалению, ни в архивах, ни в воспоминаниях следов ответа нет. Кто знает, могло и так быть, что не пожелал отвечать. Спустя 15 лет после Сенатской площади Нечаев видный правительственный сановник. Кое-кто из былых друзей — тоже. Вяземский, к примеру, становится товарищем министра просвещения, главой цензурского ведомства, сенатором, членом Государственного совета... Отходит от вольномыслия и склоняется к реакционным взглядам Глинка...

И как ни прискорбно, но никуда не уйти от завершающего вывода: Нечаев с 30-х годов разминулся с историей. Его политические взгляды с этого времени стали быстро обесцвечиваться.

Огненная жизнь Нечаева интересна в основном — философски — лишь одним: что происходит, когда идеалы начинают приспосабливаться к обстоятельствам. И вовсе неважно, происходит это добровольно или под давлением... Не в чужом, в собственном пиру оказалось похмелье для Нечаева.

Действительный статский, а к концу жизни и тайный советник

(генеральские, поясним, звания), сенатор со славою преданного семьянина и барина-хлебосола, сочинителя шуточных — не более! — стишков на друзей.

Поговаривали, правда, что Нечаев при всех ниспосланных ему сверху постах и чинах все-таки либерал. Вполне могло быть, что заслуженно слыл таковым. Кому-то либералы представляются даже якобинцами. Вспомним о доносе на Полевого и его соратниках по журналу. Митрополит Филарет, реакционно влиятельная фигура, недолюбливал Нечаева именно за это.

Вяземский тогда выводил трагические признания:

Лампадою ночной погасла жизнь моя,
Себя как мертвого оплакиваю я.
На мне болезни и печали,
Глубоко врезан тяжкий след;
Того, которого вы знали,
Того уж Вяземского нет.

Не о Нечаеве ли тоже сии при жизни погребальные стихи давнего друга?..

История властно заявила о себе новым революционным поколением.

В России начинали властвовать умами и настроениями революционные демократы.

С 1843 года взошла звезда Белинского. Он публикует ежегодные литературные обзоры, наполненные острым философским отношением к жизни. В 1847 году родился «Современник» Некрасова. В 1854 году вышла в свет первая статья Чернышевского. Через два года — Добролюбова. Еще через три — Писарева...

Что знал о них Нечаев и как воспринимал идеологию нового революционного поколения? Ответ пока не найден.

Умер Степан Дмитриевич Нечаев 5 сентября 1860 года, в возрасте 68 лет, совсем немного не дожив до отмены крепостного права, о чем когда-то давно мечтал. Хоронили его в Москве по генеральскому регламенту. Речей было много. О декабристских заслугах, понятно, никто на панихиде сенатора и действительного тайного советника не вспоминал. Одни ничего не знали. Другие за давностью лет запомнили. Третьи сочли за благо помолчать.

С беспокойным миром прощался Степан Дмитриевич Нечаев, бывший декабрист и поэт, археолог, друг и добрый знакомец многих передовых деятелей своего времени.

В тот год по ста имениям прошли крестьянские волнения. «Колокол» Герцена поместил некрасовское «Размышления у парадного подъезда». В правительственных сферах живо обсуждались случившиеся в самом конце прошлого года возмущения на Урале, в Пермской губернии рабочих Демидова. В США президентом был

избран Линкольн, которому предстояло пасть от руки наемника рабовладельцев. В январе Маркс писал Энгельсу о том, что движение против рабства в США и за отмену крепостничества в России представляет «самое важное, что в настоящее время происходит в мире». Росло влияние апостола русского революционного общества Н. Г. Чернышевского. В тот год «Современник» напечатал его «Антропологический принцип в философии» — одну из самых замечательных деклараций материализма в русской публицистике. Через год появится знаменитая своим призывом к топору прокламация «К барским крестьянам». Еще через два — роман «Что делать?».

До первой пролетарской революции — Парижской Коммуны — оставалось всего 11 лет.

Беспокойный поистине мир наступал...

Спрашиваю себя: не напрасно ли заполняю внимание читателей рассказом о представителе декабристского движения — вовсе не главенствующем деятеле, не вписанном даже в Алфавит декабристов? Нечаев не более чем фигура из группового снимка. Лица первого ряда, второго, третьего... Он за ними, там, где-то в глубине или вдалеке, где не все, к сожалению, ясно и разборчиво. Это потому, что сам избрал себе таковое место в декабристской истории. Но это и потому, что облик этого человека до сих пор еще не до конца проявлен и закреплён.

Обидно, однако, оставлять белые пятна на исторических снимках. Режут взгляд — и память! — такие пробелы...

Еще задаю себе вопрос: не напрасно ли затрачены силы на рассказ о человеке, чья жизнь после разгрома декабристского восстания полна противоречий и больше того — отступлений от былых идеалов?

Уверен — не зря. Права, повторюсь, академик М. В. Нечкина: не должно быть пропавших без вести декабристов. Не должно потому предавать забвению тех, кто пронес в тот недобрый век и свою, пусть малую, долю порывов добрых побуждений и веру в благоденствие народа. Одно не сможет зачеркнуть другого.

М. А. ШОЛОХОВ — ОТКРЫТЫЙ УРОК

Был Михаил Александрович Шолохов, как хорошо известно, щедр на общения. Каждая из встреч и бесед с великим советским писателем — словно открытый урок мудрости и опыта.

...22 года знакомства с ним, что счастливо для автора этих строк было определено самой по себе профессией — издательской. Она и помогла внести в блокноты некоторые записи. Конечно же, выйдя

эти разных лет записи чаще всего сиюминутно запечатленным событием, как снимки в моментальной фотографии. Им далеко до обобщений. Но, уверен, что даже некоторая часть из них (рамки небольшой книжечки не позволяют выписать все) тоже поможет — штрих к штриху — складывать тот портрет, которому еще создаваться общими усилиями...

Телеграмма в Севастополь

Июнь 1968 года — в Севастополь съезжаются молодые писатели, чья главная тема творчества — военно-патриотическая. ЦК ВЛКСМ и СП СССР собрали их на Всесоюзное совещание.

Но как без создателя «Тихого Дона», «Они сражались за Родину» и «Судьбы человека»?..

6 июня в Севастополь пришла телеграмма:

«Сердечно желаю успехов вашей работе. Не забывайте о том, что ваши книги очень нужны молодежи особенно теперь. Но не только молодежи, а и читателям повзрослей. Нам многое дано и многое с нас спросится, а потому — хорошего свежего ветра держащим, чтобы паруса творчества стали тугими и упругими. Ваш Шолохов».

Это обращение — результат выполненной им просьбы ЦК ВЛКСМ. О просьбе благословить совещание поведал Шолохову, став посредником в телефонном разговоре с Вешенской. Не отказал...

С молодыми писателями

30 марта 1969 года. Москва. Открытие очередного — пятого Всесоюзного совещания молодых писателей. Все, понятное дело, с особым нетерпением ждут Шолохова. Но он, как разнеслось, приболел и потому, к великому огорчению, не смог прийти и участвовать в его работе. Однако чтобы совсем не встретиться с молодежью — этого он просто не мог себе позволить.

В комнате штаба совещания — добрый переполох: звонили Шолохову и он пригласил к себе на московскую квартиру группу писателей. Позвал — любопытная примета — и трех издателей-молодогвардейцев: Юрия Мелентьева (правда, он к тому времени уже перешел на партийную работу), Валерия Ганичева и автора этих строк.

Поначалу гости выглядели изрядно оробевшими. Но хозяин быстро расположил к себе. Как это ему удалось? Трудно найти слова, чтобы были точны. Но, уверен, — неподдельной открытостью, а еще тем, что при всей всегда присущей ему сдержанности не очень-то скрывал удовлетворения приходу такой разноцветной делегации — здесь и москвичи, и украинцы, и красавица таджичка, и волгарь, и сахалинец, и уральцы, и калининградцы...

После приветствия безо всяких зряшных предисловий произнес:

«Мне говорили о том, что на совещании спорят о ранней профессионализации молодых».

Дальше интересно получилось — стал рассказывать о другом:

— Знаю одного журналиста, который наплодил три или четыре книжки. Но плохих! Он над собой совсем не работал. Я знаю многих таких писателей, особенно в провинции. Это трагедия. Такой писатель за заработком спешит... Но в этом случае в литературе ничего получить и не сможет. В местном издательстве такой писатель свой человек — «Отчего ему не порадеть». Да, гляди, и редактор плохой попадается...

Уход от разговора по поводу профессионализации привел, оказывается, к разговору об истинном служении литературе*.

Однако ушел своеобразно, ибо тема трудового отношения к литературному труду не отпускала. Рассказал о вхождении в писательство одного писателя, знакомого еще по 20—30-м годам:

— Не забуду, как Горький, Всеволод Иванов, Бабель много правил, много редактировали его рукописи. Но потом Горький сказал ему: «До каких пор вас будут править?! Сколько можно ездить на чужом горбу?!»

И такую особенность писательской профессии стал обнажать для молодых гостей, но, заметим, начал не в лобовую, а как бы издалека:

— Я, будучи в Швеции, познакомился со Стейнбеком. Ему передали мое приглашение зайти в гости. Но он, как понял, постеснялся прийти ко мне. Я тогда к нему пришел. В разговоре среди иного прочего спросил у него: «Знаком с Хемингуэем?» Отвечает: «Знаком». Еще спросил: «Встречаешься с ним?» «Нет, — говорит, — один раз только».

Главное прозвучало дальше:

— Может, мы у себя в стране и слишком часто встречаемся на всяких там писательских совещаниях. Но и совсем не встречаться писателям плохо. Без общения нельзя...

Высказал и такой совет, словно вспомнив доброе присловье, что не пером пишут, а умом, — предостерег молодежь от литературного верхоглядства:

— У меня часто спрашивают: «Почему не пишете о своих зарубежных поездках?» Отвечаю так: «Это мне ни к чему... Чтобы написать такую книгу, надо жить в этой стране, много знать о ней».

Говорил в тот день о том, как иной писатель ложно понимает задачу писать на темы современности. Выразился едко о таких

* Еще в 1934 году в выступлении перед молодыми писателями Дона заявил: «Писателю, который хочет работать и расти, необходимо каким-то образом прикрепиться к материалу, и более или менее крепко, а не в порядке творческой командировки на месяц».

соропалительно быстрых сочинителях: «Новая домна — новая книга!»

Почти два часа шла беседа. В конце ему передали Памятную книгу Совещания. Он не отказался оставить запись. Записал на первый взгляд совсем немного.

«Рад успеху Совещания! Как всегда желаю молодым свершений, дерзаний и — успеха, неизмеримо большего, чем на этом Совещании».

Как же многозначимо это сверхкраткое, казалось бы, пожелание наставника: не совещание с его неизбежным праздничным настроем и предрасположенностью к похвалам всего-то первым шагам в литературе, а будущая работа — в дерзаниях! — определяет в конечном счете подлинный успех. Так понял — пространно — суть двух всего строк шолоховского напутствия: ненавязчивого и не для поверхностного цитирования...

Когда уходили, заметил на диване раскрытую книгу — записки путешественника Николая Пржевальского.

С интересом ко всему

23 декабря 1978 года. Узнаю, что М. А. Шолохов в Москве. Напрашиваюсь на встречу. Почти полдня — один на один — с ним! На следующий — новое свидание. На этот раз вместе с тогдашним директором «Молодой гвардии» Владимиром Десятериком, которого писатель позвал, узнав о его назначении на этот пост. И куда там пытаться излагать все то, что обсуждалось с ним в те счастливейшие два дня общения и все то, что наговорил нам он тогда.

О своем добром отношении к Леониду Леонову.

О новой в тот год поэме Роберта Рождественского «210 шагов», вернее о том, как, по мнению Шолохова, необдуманно, торопливо и слишком жестко стал критиковать ее кое-кто из поэтов.

Об усилиях Госкомиздата СССР и издательства «Художественная литература» в пропаганде классики — о закончившейся «Библиотеке всемирной литературы» и подготовленной ей на смену «Библиотеке классики». Спросил, будут ли выпускаться в ней Горький, Фадеев. Выслушал и снова два вопроса: «А Леонов? А Федин?» (О себе ни слова.) Рассказал ему, что новое собрание сочинений Льва Толстого станет выходить миллионным тиражом. Одобрил: «Хорошо! Очень хорошо!» Поинтересовался положением с бумагой и даже высказал совет: «Если не очень пока густо, хорошо с бумагой, издавайте-ка только самое лучшее...»

О «Тихом Доне» и об отношении к нему читателей. Прочитировал ему одно письмо простого человека, где с восторгом говорилось, что в романе «Ничего не прибавить и не убавить». «Убавить есть что», — проговорил в ответ с поразительным чувством скромности. Но цену себе и роману, конечно же, прекрасно знал. Тут же — в ответ —

рассказал о следующем: во время войны получил письмо, в котором читатель поведал, что, мол, читал и перечитывал, да все ждал счастливого для Мелехова окончания романа. «А разве надо было писать так?» — проговорил Шолохов с усмешкой, которая одна лучше многих слов все высказала: правда жизни для великого писателя самое главное!

Спрашиваю: «Действительно ли, что за «Тихий Дон» пришлось вступаться Серафимовичу и Горькому?»

Ответил: «И Сталину тоже. Без их помощи роман так быстро в печати бы не прошел. Почему помощь понадобилась?.. Да троцкисты и кое-кто из рапповцев напугались правды о причинах восстания на Дону. И еще кое-что мне и роману приписывали... В общем, остановили роман».

Как же удержаться, чтобы не порасспрашивать писателя о подробностях. Согласился: «Горький передал Сталину последнюю часть «Тихого Дона» и попросил прочитать. Потом сообщил мне, что Сталин прочитал и дал согласие встретиться. В назначенный час приехал на квартиру к Горькому.

Сидели за столом. Горький все чаще молчал, курил да жег спичечки над пепельницей. Кучу целую за разговор нажег.

Сталин задал вопрос: «Почему я так смягченно, почти не затрагивая отрицательных сторон характера, описал генерала Корнилова?»

Я ответил: «Поступки Корнилова вывел без смягчения. Но действительно некоторые манеры и рассуждения изобразил в соответствии со своим пониманием облика этого воспитанного на офицерском кодексе чести и на германской войне храброго человека, который субъективно любил Россию. Он даже из германского плена бежал...»

Сталин воскликнул: «Как это — честен?! Он же в революцию против народа пошел! Лес виселиц и моря крови?!».

— Должен сказать, — заметил Шолохов, — что эта обнаженная правда убедила меня. Сталин прав оказался. Я потом отредактировал рукопись.

Сталин новый вопрос задал: «Где я взял факты о перегибах Донбюро РКП(б) и Реввоенсовета Южфронта по отношению к казаку-средняку?»

Я сказал, что роман описывает произвол троцкистов строго документально — по материалам архивов.

В конце встречи Сталин произнес: «Некоторым кажется, что третий том моего романа доставит много удовольствия тем нашим врагам, белогвардейцам, которые эмигрировали». И он спросил меня и Горького: «Что вы об этом скажете?» Горький ответил: «Они даже самое хорошее, положительное могут извращать, чтобы повернуть против Советской власти». Я тоже ответил: «Для белогвардейцев хорошего в романе мало. Я ведь показываю полный их разгром на Дону и Кубани...» Сталин после этого проговорил: «Да, согласен.

Изображение хода событий в третьей книге «Тихого Дона» работает на нас, на революцию».

Когда Шолохов закончил свои воспоминания о сложном давнем, как-то незаметно повернули к разговору о молодой литературе. (И было бы, наверное, странно в гостях у Шолохова без этой темы.) Воспользовался таким поворотом и спросил у него: «Как понимаете причины того, что в последние десятилетия прозаики, как правило, формируются после тридцати лет, а то и больше? Вот вы «Тихий Дон» уже в двадцать три года...»

Перебил: «Но полностью закончил много позже».

Добавил: «Время тогда было другим. Тогда время писателей подгоняло».

Осмелился спросить у него, уточняя: «Вы, наверное, подразумеваете, что трудно жилось. Вы вот проголодь жили в Москве, что и заставляло, видно, писать побольше и скорее...»

Снова перебил, чтобы, в свою очередь, задать, не откладывая, важный в его понимании встречный вопрос: «Уж не предлагаешь ли ты, чтобы и нынче молодым такое испытание досталось?»

Стал, продолжая, уточнять: «Нет, я совсем о другом говорю. Познание, изучение жизни, накопление жизненного багажа шло само по себе с самых молодых лет. Это потому как нам, молодым, все или почти все пришлось «пощупать» своими руками... Я это вовсе не к тому, чтобы укорять молодых. Но у них, пойми, годы уходят на школу, на институты. Только после этого прикасаются к серьезной, самостоятельной жизни... Хотя, скажу, дерзают все-таки не на полную катушку! Писать умеют, да только кое-кто о пустяках пишет».

Последнее вымолвил с заметной горечью.

— Кстати, Михаил Александрович, когда вы закончили «Тихий Дон», вам всего тридцать пять было. Как раз по нынешним временам участвовать во всесоюзных совещаниях молодых писателей.

Шутку вроде бы принял, но промолвил всерьез:

— Эх, попасть бы... Хорошо бы пообщаться... Погужевать вместе... Писателю без этого нельзя.

В тот день на тумбочке у кровати лежала книга Ивана Гончарова.

Последнее лето

3 и 4 июля 1983 года. Вешенская. Чтобы узнать судьбу двухказанных М. А. Шолохову статей, приехали к нему вместе с главным редактором «Роман-газеты» В. Н. Ганичевым.

При свидании с ним уже при первом взгляде чувствовалось, что болью ему от мучительной болезни непомерно тяжело.

Тело стало немощным, иссохнувшим. Преклонный возраст — шло к 79-летию — тоже, разумеется, сказывался.

Но могучий ум не сдался. И сейчас, и позже — хотя этого самого «позже» оставалось совсем немного — поражал незамутненной памятью, острым любопытством ко всему, что происходило за стенами дома, строгостью безошибочных суждений и оценок, прежним своим образным словом, что часто — с перчиком...

Мы не зря приехали в Вешенскую в те два июльских дня последнего для писателя творческого лета, вообще последнего в его жизни лета. Встретил наирадушнейшим образом (как по поговорке «У наших казаков обычай таков») и за утренним столом с чаепитием, устроенным Марией Петровной, прямо при нас подписал свои статьи.

Первая из них — «Читателям библиотеки «Родные нивы». Это, поясню, вступительная статья к затеянной издательством «Художественная литература» (работал здесь) библиотеке в 6 томах лучших повестей, рассказов и поэзии писателей дореволюционной поры и советского времени о крестьянстве и крестьянском труде.

Вторая статья — обращение к болгарским читателям, предназначенная открыть его собрание сочинений, которое начинало готовиться тогда в Софии. Не простым путем, через нас, своих друзей из «Художественной литературы», заказано оно болгарскими коллегами.

Запомнилось, что перед тем как расстаться со статьями и поставить подпись, внимательно перечитывал: где-то останавливал взгляд надолго, но чаще всего читал быстро, легко, порой похмыкивал — не то одобрительно, не то как бы с укором...

Статья к библиотеке «Родные нивы» перед тем, как увидеть свет в первом томе библиотеки, что вышел летом 1984 года огромным 600-тысячным тиражом, была напечатана «Правдой» 20 января. Это последняя — прижизненная — в творчестве Шолохова публикация...

Можно быть уверенным, что с ней знакомы теперь миллионы. Но все-таки вчитаемся в нее, и сразу же нетрудно будет заметить, как многое в своих размышлениях отдает он молодежи. В этом многозначимое отношение великого писателя к жизни и к литературе. Вот первая статья. Писатель и в самом деле обращается в ней не только к ветеранам колхозного движения, с кем поднимал в боевые 30-е годы колхозную целину, но и к тем, кто лишь готовится в наши дни стать крестьянином. Пишет:

«Им эта библиотека должна напомнить ту народную мудрость, что вошла в собранный Владимиром Далем сборник русских пословиц «Без хозяина земля круглая сирота». Очень нужны сегодня родной земле молодые руки — руки хозяйские, неленивые, заботливые, которые бы не пожалели себя ради всенародного достатка, ради укрепления мощи нашей страны, ради преобразованных сельских нив».

Еще извлечение, где не обошелся без комсомола: «Им — людям, возвращающим хлеб, и животноводам, садоводам, агрономам и селекционерам, механизаторам, славным сельским партиям и комсомольцам — моя неизменная любовь, преданность».

Но не могу не переписать и самый последний абзац с его самой последней строчкой. После кончины М. А. Шолохова по-особому щемяще читается это. Писатель, выходит, вслух попрощался с миллионами своих деревенских читателей, с кем делил почти 80 лет жизни все — и победные радости, и тяжкие заботы:

«В этой библиотеке наша отечественная литература как бы отчитывается перед вами, братьями и сыновьями, сестрами и дочерьми ее героев и героинь, любовное, уважительное и при этом прямое слово о которых она несет миру. Поклон вам низкий, люди земли, люди сельского труда!»

Вторая статья. И в ней обращения к тем, кому вверено наследовать и развивать духовные богатства предшествующих поколений.

Обратился так: «Мои рассказы и романы, как известно, не о сегодняшнем дне. Но не значит ли это, что те события, о которых мне довелось писать, — безвозвратно далеки и никак не связаны с нашим быстромыменяющимся временем?»

Затем — не скрывая озабоченности — выразил то, что в предшествующих строках оставил за знаком вопроса: «Ведь есть еще охотники разрушить связь времен, забыть о светлых традициях в жизни народа, порушить то доброе, героическое, что накоплено прадедами и отцами, завоевано ими и нами в борьбе за лучшие народные идеалы, за свободу и независимость наших стран, за социализм».

Он предложил своим читателям — в мощном сгустке мысли! — целую программу: «Давайте порассуждаем вместе — прошлое, настоящее и будущее совсем не взаимно исключают друг друга или обособленные измерения жизни человека и человечества. Только их тесная взаимосвязь ради служения Родине, ради осуществления истинных народных чаяний, то есть и ради будущего, делает талантливым литературное произведение актуальным, независимо от того, когда оно создано — пятьдесят, сто или, скажем, двести и более лет назад».

Здесь же принципиально важное напутствие сотоварищам по писательскому делу: «Современный литератор должен понимать это и нести ответственность перед своим народом за каждую свою строчку. Опыт выдающихся писателей — и наших, и всех других стран — доказывает это. Наши коммунистические убеждения подтверждают, что только так, и не иначе, должно служить писательское перо народу, времени, передовой идее».

Предпоследний абзац — прямое слово к литературной молодежи: «Таковые убеждения разделяют и молодые писатели, наша смена. Это внушает мне добрую уверенность в надежности традиций. Я слышал это, к примеру, от участников советско-болгарского клуба творческой молодежи. Они уже дважды побывали у меня».

Был щедр на общение в этот день. Получили статьи, а когда подумалось, что, мол, пора бы нам, гостям, и честь знать, — не отпустил. Больше того, сказал, чтобы и завтра не уезжать. Вот

и пополнились блокноты... Многим пополнились, ибо многое было сказано и обсуждено. Но как донести все это до читателя в совсем небольшом очерке? Вот обширнейший перечень имен. Это надежное свидетельство напряженной умственной деятельности (несмотря на изматывающую силы болезнь), это пример неубывающе многогранного интереса (несмотря на склоны лет) к литературе, к истории, к политике — к жизни. Писатели М. Горький, И. Бунин, А. Серафимович, Ф. Панферов, И. Эренбург, К. Симонов, И. Шухов, В. Шукшин, Г. Марков, В. Закруткин, М. Алексеев, Е. Долматовский, А. Софронов, А. Калинин, В. Карпов, Е. Исаев, Ан. Иванов, В. Чивилихин, Вл. Фирсов, В. Распутин... Издатель А. И. Пузиков... Скульпторы С. Коненков и Ян Кулих из Чехословакии... Артист и кинорежиссер Сергей Бондарчук... Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев — выдающиеся полководцы... И. Сталин, Д. Ибаррури и еще многие лично знакомые писателю известные в истории личности, деятели государства и партии... Земляки — Н. А. Булавин, секретарь Вешенского партийного райкома того времени, еще неведомые нам, но близкие ему по жизни на Дону люди.

Вверяя читателям этот перечень, обязан объяснить — каждое имя, звучавшее в те дни при нас, имело на то в каждом отдельном случае свой отдельный повод или обстоятельство. Это случилось не обязательно в минуты пространных воспоминаний-монологов, но и при кратком обмене мнениями, а то просто в однозначных репликах или вопросах... Ему выпало, это всем хорошо известно, стать прямым участником — не сторонним свидетелем — всех главных и при этом крутоповоротных шагов истории советского народа. Революция, войны — гражданская и Великая Отечественная, коллективизация, становление единой писательской организации в сближении разных — иногда даже в противоборстве — групп, школ и направлений, преодоление послевоенных разрывов... Многое и многие потому оставили глубокий след в памяти. Порой о прошлом говорилось с усмешкой, иногда едкой, обидной, иногда — с добродушной.

Когда уходили, его секретарь М. В. Коньшин показал на своем столе настоящую грудку писем — от читателей, от избирателей, от собратьев по перу, от друзей. «Так каждый день!»

...Статьи, письма, жадное стремление к общению. Таким он запомнился в самые последние встречи.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Пропавший без вести декабрист	3
М. А. Шолохов — открытый урок	55

Валентин Осипович ОСИПОВ

ОТКРЫТЫЙ УРОК

Редактор Б. А. Леонов

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 24.01.86. Подписано к печати 02.04.86. А 00662.
Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,06. Усл. кр.-
отт. 2,98. Тираж 80 000. Изд. № 875. Зак. 2322. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865.
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ДАЧ И САДОВЫХ ДОМИКОВ!

● С наступлением весенне-летнего теплого периода, а в апреле — мае особенно, повышается пожарная опасность, учащаются пожары на дачах и в садовых домиках, которые зачастую сгорают полностью. Имеют место случаи гибели людей во время пожаров. Частыми причинами этих несчастий являются: нарушение правил эксплуатации электросетей и печей, керосиновых, газовых и электрических нагревательных приборов, неосторожное обращение с огнем, разведение костров вблизи строений, детская шалость.

● **ПОМНИТЕ!** Нельзя эксплуатировать электросеть, печное отопление без предварительной проверки и ремонта, разводить костры вблизи строений в ветреную погоду!

● Не оставляйте без присмотра топящиеся печи, включенные электрические, газовые и керосиновые приборы. Не поручайте надзор за ними детям.

● На случай пожара на каждом дачном, садовом участке имейте бочки с водой, ведра, метлы. Не загромождайте подъездные пути к дачам и садовым домикам.

● На территории садоводческих товариществ оборудуйте пожарные щиты с комплектом противопожарного инвентаря.

**Центральный совет Всероссийского
добровольного пожарного общества.**